КНЯЖНА-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА · ТОМ 1

БЕСПЛАТНО НЕ ЛЕЧУ!

Илья Игнатов

Илья Игнатов

Княжна-целительница. Том 1. Бесплатно не лечу!

«Автор»
2026

Игнатов И.

Княжна-целительница. Том 1. Бесплатно не лечу! / И. Игнатов — «Автор», 2026

В Москве я с нуля построила сеть из двенадцати клиник. Теперь мне девятнадцать, меня зовут Вера Арсеньева, и я внебрачная дочь покойного князя. Брат уже нашёл мне место в уездной лечебнице за четыре рубля в месяц. Со мной договориться забыл.Я закладываю украшения и открываю свою лечебницу вместе с опытным лекарем. На испытании мой дар едва сдвинул медный шарик. Этой малости хватает, чтобы почувствовать повреждение тоньше волоса. Теперь я учусь лечить, пока гильдия ищет повод отобрать у нас разрешение на практику.После дуэли княжеский наследник может лишиться магии. Его семья зовёт меня на осмотр. Пора выяснить, сколько князь готов заплатить за шанс.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Княжна без гроша 5
Глава 1. Миллионерша 5
Глава 2. Бастардка 11
Глава 3. Княжеские родственнички 16
Глава 4. Бесполезный дар 21
Глава 5. Первый пациент 26
Глава 6. Свобода стоит денег 30
Глава 7. Здесь лечат богатых 34
Часть II. Первая лечебница 38
Глава 8. Вредный старик 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Илья Игнатов
Княжна-целительница.
Том 1. Бесплатно не лечу!

Часть I. Княжна без гроша

Глава 1. Миллионерша

— Второй этаж закрыт, — сказал охранник.

— Кем?

— Хозяином.

Я сняла очки. Охранника видела впервые. Клинику на Ленинском четыре года назад купила вместе с долгами, протекающей крышей и тремя креслами в холле, одно из которых било током.

— Позовите хозяина, — попросила я. — Любопытно познакомиться.

Прямо за его плечом горела зелёная стрелка к кабинетам травматологов. У лестницы женщина в красном берете села на нижнюю ступеньку, пристроила трость между колен и стала рыться в сумке. Ещё двое пациентов ждали возле лифта. По тому, как все трое старательно смотрели мимо охранника, было понятно, что разговор они уже пробовали.

Я приехала сюда подписать акт за новый пандус. За триста двадцать тысяч рублей подрядчик дважды поставил поручень так, что за него можно было взяться только на фотографии. Сегодня, говорят, всё переделал. Я собиралась подняться на второй этаж за папкой и через двадцать минут уехать.

У стойки регистрации Даша Лунина разговаривала по телефону. Увидев меня, она быстро попрощалась и положила трубку.

— Виктория Андреевна, я вам написала.

— Пока ехала, не смотрела. Кто наверху?

— Михаил Сергеевич Ланской. Он приехал без записи. Хочет, чтобы с одиннадцати до часу освободили отделение для его матери. И чтобы принимала Инга Павловна. За это время у нас восемь записей, четыре у Крыловой.

— А он?

— Сказал, что у меня скоро будет много свободного времени.

Даша выговорила это очень ровно. Намотала нитку от чайного пакетика на ложку и дёрнула. Нитка лопнула.

— Мама его здесь?

— Пока дома. Вчера упала, была в травмпункте. Направление прислали, Инга Павловна посмотрела. Есть окно в пятнадцать сорок, я предложила. Ланской сказал мне убрать из записи всех, кто раньше.

— Список ты ему показала?

— Повернула монитор к стене. Тогда он и позвал охрану.

На ступеньке женщина в красном берете нажимала на кнопки телефона ластиком на конце карандаша. Даша сказала, что это пациентка Крыловой и у неё уже время.

— Проводи её, пожалуйста.

Чужой охранник расправил плечи и посмотрел поверх моей головы. Там как раз быстрым шагом шёл наш дежурный Олег. Куртку застёгивал на ходу.

— Олег, проводи, пожалуйста, коллегу на улицу. Пусть там ждёт Михаила Сергеевича.

Охранник кому-то позвонил, послушал и отошёл. Женщина в берете встала, опираясь на трость.

— Вам бы тут табуретку, молодой человек. А то у вас тоже колени заболят.

Даша повела её к лифту. Я поднялась пешком.

Управляющая уехала на собеседования. Ланской сидел за её столом, листал журналы уборки и пил воду из бутылки. По возвращении она наверняка разозлится из-за мокрого круга на столешнице. Из-за остального она разозлится ещё в такси.

— Вика, — сказал Ланской. — Слава богу. С тобой можно по-человечески.

Я вытащила папку у него из-под локтя и положила на тумбу.

— Можно, Михаил Сергеевич. Вашего охранника я попросила подождать снаружи.

— Через сорок минут приедет машина за мамой. Её надо привезти, показать Крыловой и увезти. Всё. Скажи, кому заплатить.

— На пятнадцать сорок есть приём. Даша предложила именно его.

— Ты мне предлагаешь маме ещё пять часов дома просидеть?

— Крылова посмотрела документы из травмпункта. Если с утра что-то изменилось, позову её. Сами спросите, можно ли ждать.

Ланской покрутил крышку на бутылке. Подцепил ногтем пластиковый ободок и оборвал его.

— Ничего не изменилось. Она вообще ехать не хочет. Вчера её пока везли по коридору, какая-то умница снимала на телефон. Сегодня видео уже гуляет по чату её музыкальной школы. Там подпись «Наша бывшая директриса». Полкласса звонит узнать, как она умудрилась развалиться посреди улицы. Она теперь трубку не берёт.

— Она ещё работает?

— Дважды в неделю ведёт класс. Директором была двадцать лет. — Он положил ободок на стол. — Я ей пообещал, что здесь никого не будет.

Михаил Сергеевич пообещал то, чем не распоряжался. За годы знакомства я видела, как быстро он добывает право распоряжаться почти чем угодно.

— Сколько? — повторил он. — Ты людям вернёшь деньги. Перезапишешь послезавтра. Кто будет недоволен, заплатим за такси.

— У меня человек из Подольска здесь с девяти сидит. Смену за него коллега взял, чтобы он к врачу попал. Я ему что, вашего водителя пришлю смену отрабатывать?

— Ты каждого пациента здесь знаешь?

— Этого знаю. Он мне на входе дверь придержал. Ещё сказал, что кофе у нас дрянь.

Ланской наконец поставил воду на подставку, которую заметил под моей рукой.

— Можешь себе позволить спорить из-за восьми человек? По нашему договору сколько у тебя выходит в год?

— Восемнадцать миллионов шестьсот тысяч.

— Отлично. У моего заместителя два предложения на столе. Одно на полтора миллиона дешевле вашего. Он с прошлой недели хочет мне их показать. Видимо, сегодня у него хороший день.

В приложении к нашему договору стояли адреса складов. Для каждого мы подобрали ближайшую клинику. По тому предложению, что дешевле, людям с двух складов пришлось бы мотаться через всю Москву в рабочее время. Ланской экономию увидит сразу. Потерянные часы увидят начальники складов, у которых график отгрузок забит до Нового года.

В графике с первого ноября 2026-го под людей Ланского отвели часы в трёх филиалах. В одном специально зарезервировали две субботы. Если он уйдёт, мне придётся срочно заполнять эти часы. И объяснять финансистам, зачем я держала запись, когда документ о продлении вторую неделю лежал у заказчика.

— Дайте заместителю посмотреть ещё и приложение с адресами, — сказала я. — Пусть посчитает поездки. Жду его сегодня, если хочет торговаться. А своему человеку внизу скажите, что отделение работает по записи.

Ланской посмотрел на меня исподлобья.

— У тебя, Вика, шикарный талант выставить человека идиотом за его собственные деньги.

— Пока вы ничего за сегодняшний приём не заплатили.

Он хмыкнул, набрал сообщение и встал.

— Я маму второй раз уговаривать не буду. Если откажется, всё. И эту вашу Дашу к ней не ставь. Мы с ней с утра друг друга поняли.

— Да, я слышала, что именно вы ей сказали.

В двадцать лет я тоже сидела за стойкой и говорила «понимаю» людям, которые сулили мне увольнение. Обычно после этого из кабинета выходил управляющий и посылал меня извиняться. Один раз я извинялась перед мужчиной, который швырнул в мою сменщицу терминалом. Стоимость разбитого терминала потом поделили на нас двоих.

Ланской ждал.

— С матерью вашей поговорит врач, если она захочет, — сказала я. — Запись оформит Даша. Она сегодня обошлась с вами ровно так, как я требую от своих сотрудников. Хотите жаловаться на правила, звоните мне.

Он уже взялся за ручку двери, но руку убрал.

— Что ты можешь сделать с коридором?

— Дайте десять минут. Мне надо посмотреть, откуда её можно завезти, чтобы никого по пути не встретить.

У стойки Даша выслушала нас и развернула монитор. На пятнадцать сорок ещё можно было записаться.

— Через боковой вход её можно провести, — сказала она. — Там от нового пандуса прямо к малому лифту. На втором мы поставим кресло в двести шестой, у Крыловой соседняя дверь.

В двести шестом я собиралась встретиться с двумя кандидатками на должность управляющей. Даша показала мне запись в календаре. Напротив обеих фамилий стояло моё имя. С отменой она бы сама звонить побоялась, а вот предложить мне это при Ланском у неё духу хватило.

— Я перенесу собеседования. За креслом спрошу Олега, вдруг нам опять оставили одно с кривым колесом.

— Есть исправное, — отозвалась Даша. — Я вчера сама проверяла.

Ланской взял с края стойки прайс. Пролистал его до услуг сопровождения.

— Сколько?

— Шесть тысяч восемьсот за отдельную комнату на два часа и сопровождение с машины. Приём по вашему семейному договору. Если мама захочет, вы пойдёте вместе с ней. Ваши ребята остаются снаружи. У нас там даже кофе можно купить.

— Дрянной?

— В соседней пекарне хороший. Даша подскажет.

Она подняла голову. Ланской несколько секунд смотрел на неё, потом спросил:

— Запишете мою маму?

— Если ей подходит время. Дадите с ней поговорить?

Он позвонил. Из трубки ответил низкий женский голос.

— Миша, про одиннадцать я слышала. Ты скажи, на сколько в итоге записал. Я уже оделась.

Ланской прикрыл микрофон.

— Она думает, я не смог её записать.

— Так вы и не смогли, — сказала я. — Даша сможет. Дайте телефон.

Он отдал. Даша назвала себя, предложила время и записала что-то на листке.

— Да, Ася Никитична. Сначала спрошу у вас.

После звонка Ланской подписал заказ на сопровождение. Свою копию уже собрался оставить на стойке, и я пододвинула лист обратно.

— К боковой двери в пятнадцать двадцать пять. Вот здесь написано.

Он сложил бумагу вчетверо.

— Я с утра зря на вас наехал, — сказал он Даше. Прайс перед ним лежал вверх ногами, туда он и смотрел. — Простите.

— Пекарня за углом, — сказала Даша. — У них с миндалём хорошие слойки.

Он ещё раз сложил листок, уже в восемь раз, и наконец убрал его в карман. Папку с актом за пандус Даша положила передо мной, когда за ним закрылась дверь.

— Триста двадцать тысяч, — сказала она. — И сегодня первый раз пригодится.

— Вот пусть сначала пригодится. Подпишу после.

* * *

В двадцать пять я сама стала управляющей. Первый свой медцентр открыла в бывшем салоне штор. Банк дал денег на оборудование, а залогом пошла однушка, которую я выплачивала шесть лет. В день открытия у нас было четыре записанных пациента. Двое перепутали адрес.

До вечера я сидела у окна и переставляла горшок с геранью. С улицы казалось, что в цветах работает человек. Очень занятый, судя по тому, сколько раз цветы переезжали.

К тридцати четырём годам у меня было двенадцать клиник и всё та же привычка в день открытия садиться рядом со стойкой и слушать, что говорят люди. Я перенесла собеседования, пообедала за столом управляющей и позвонила Олегу. Он уже прокатил кресло через боковой вход. На новом пандусе колёса шли ровно, зато у самого порога было скользко. Он уже постелил коврик.

В три двадцать пять в боковую дверь позвонили. Я пошла вниз вместе с Дашей.

Машина стояла под дождём в метре от пандуса. Олег раскрыл большой чёрный зонт, на котором ещё было написано название прежней клиники. Ася Никитична оказалась маленькой женщиной в шерстяном пальто и с ярко-синим шарфом. Пока Ланской суетился возле открытой двери, она сунула ему в руки сумочку и сказала:

— Миша, тебя всю жизнь можно узнать со спины. Как встанешь перед доской, сразу ничего не видно.

Он подался в сторону. Она приняла руку Олега и пересела в кресло. Колёса прошли по стыку без толчка. Даша шла рядом, придерживая зонт за край, потому что ветер заворачивал его прямо в лицо Асе Никитичне.

Внутри Ланской хотел было сразу нажать кнопку лифта, но мать показала на табличку с номером гардероба.

— Девушка, вы Даша? Я вас по голосу узнала. Можно мне дальше самой говорить? Меня вчера сын со всеми успел познакомить, пока я формулировала первую фразу.

— Можно. Давайте сначала пальто снимем?

Ася Никитична кивнула. Под пальто у неё обнаружился второй, ещё более нарядный шарф. Ланской держал сумочку и два шарфа, пока Даша везла его мать в лифт. Он машинально шагнул следом. Ася Никитична подняла руку. Двери закрылись.

— Вчера в травмпункте мне сказали ждать в машине, — сказал он. — Я сорок минут сидел. Очумел, наверное, за это время.

— Хотите здесь подождать? У нас в холле кресла.

Он купил кофе в автомате, отхлебнул и поставил стаканчик на пол возле кресла. Принялся расправлять шарфы на коленях. Наверху у Крыловой как раз заканчивался предыдущий приём. По расписанию.

Минут через сорок Даша проводила их обратно к машине. Ася Никитична записывала голосовое, пока сын устраивал её сумку на заднем сиденье.

— Дети, урок в четверг будет. Табурет мне принесите из малого зала. И передайте той, что меня снимала, чтобы в следующий раз держала телефон горизонтально.

Ланской высунулся из машины. Мать ткнула его телефоном в плечо и улыбнулась.

В половине шестого мне написал заместитель Ланского. В письме было три строки. Ланской согласовал продление на год, стоимость по первоначальному предложению, по приложению уточнить даты выездов. Ещё через минуту он сам мне написал.

«Мама просит записать её через неделю. Даша знает, на какое время. И кофе у вас действительно дрянь».

Я переслала письмо финансистам, потом Даше — только сообщение про повторный приём. Ответ пришёл сразу.

«Уже записала. Ася Никитична хочет через главный вход. Говорит, если Крылова разрешит, дойдёт от машины до дверей сама».

В акт я вписала щель у порога, через которую натекла вода. Подрядчик пообещал заделать её завтра к девяти. Я вписала и это. У подрядчиков понятие «завтра» с годами становится всё шире. Потом подписала.

* * *

Пальто у меня было цвета топлёного молока. Мать, увидев его цену, спросила, зачем брать вещь, которую боишься носить. В итоге сама поехала со мной в ателье, чтобы подшить рукава. Я носила его третий сезон. Сегодня вышла в нём через боковую дверь, зацепила каблуком коврик и вернула его на место носком туфли. Надо было заставить подрядчика приехать сегодня.

До ужина оставалось полтора часа. В телефоне висело подтверждение брони. Соколова, один гость, девятнадцать тридцать. Я собиралась съесть всё, что мне принесут, включая взбитое сливочное масло, которое в этом месте подают на камне. Мама дома сбивает из сливок такое же. Когда я предложила один раз сводить её туда, она посмотрела меню, убрала очки и достала нам хлеб.

В «Порше» было холодно. Я включила обогрев сиденья, сняла туфли и надела кроссовки, которые возила под пассажирским сиденьем. Дождь усилился. Олег закрывал боковой вход и махнул мне из-под старого зонта. Я махнула в ответ и выехала со двора на проспект.

Я проехала два квартала, так и не включив радио. Больше всего в машине мне нравились вот эти первые минуты, пока сиденье греет спину и никто ещё не успел позвонить.

На светофоре пришлось остановиться. Справа, чуть позади, встал фургон. В его мокром борту дрожал отблеск моего поворотника.

По мокрому борту прошла длинная тень. Фургон качнулся.

Я сперва решила, что фургон покатился. Нажала на клаксон, хотя видела, что между нами метра два. Водитель фургона распахнул дверь, выскочил на разметку и с криком показал вверх. Я подняла глаза.

От обочины над дорогой медленно валилась верхушка дерева. С неё летели мокрые листья. Дворник согнал их к краю стекла, вернулся в исходное положение, и я ещё успела подумать, что ветки пройдут поверх машины.

Ствол ударил у моей двери. Сбоку стало тесно. Что-то горячее полилось по шее под воротник, и я ухватилась за ремень, чтобы его отстегнуть. Пальцы попали в щель между сиденьем и дверью. Кнопка пряжки была с другой стороны. Я знала, где она. Я сколько раз за день нажимала эту дурацкую кнопку?

Кто-то стучал по стеклу справа. Я повернула голову на стук и вдруг услышала совсем близко, над ухом, как ложечка дважды звякнула о край чашки. Тихий, домашний звук.

Хорошо же он устроился, подумала я. Попробовала открыть глаза. Больше с того вечера ничего не помню.

Глава 2. Бастардка

— Она глаза открыла, — сказала женщина. — Стало быть, обождёте.

— Мне велено ключ взять.

— А мне велено её до полудня с постели не поднимать. Из-за ключа вы меня и лекаря поссорить хотите?

За дверью помедлили и ушли. Женщина поставила чашку на блюдце. Ложка уже лежала на столе, подальше от края.

Ложка только что звякнула о чашку. Точно так же я слышала её в машине после удара. Здесь на ручке у чашки была выщербина, как раз под большой палец.

— Где я?

Женщина наклонилась надо мной. Ей было лет сорок с небольшим. Рукава тёмного платья она закатала так высоко, что виден был белый след старого ожога на локте.

— В своей комнате, Вера Павловна.

— Соколова. Виктория Андреевна. Я с Ленинского. Дерево упало на машину.

Она села на край кровати и поднесла чашку к моим губам.

— Вода. Хлебните чуть-чуть. Сейчас опять язык к нёбу прилипнет.

Я взяла чашку обеими руками, и вода всё равно плеснула на одеяло. Женщина забрала чашку и подложила мне под спину ещё одну подушку.

Я провела пальцами по шее. Ни повязки, ни засохшей крови под воротником. Слева, куда в машине вдавило дверь, я могла нажать на рёбра, и ничего. Зато у правого виска нащупала шишку с перепелиное яйцо. Потянула руку назад, как от горячего.

— Сколько я здесь?

— С ночи. Вас с лестницы принесли. Позвали лекаря, он уехал на рассвете. Сказал, что заедет вечером, ежели понадобится.

— На какой лестнице?

Женщина показала через стену, как показывают человеку, который спрашивает, где у него дома кухня.

— На задней. Гриша от звонка дежурил, услышал, как вы упали.

К двери изнутри была привинчена тонкая латунная цепочка, на косяке чернилами вывели цифру «7». У кровати я поискала кнопку вызова, хотя хватило бы и розетки. На стене висел вышитый пейзаж. Между рамкой и стеной застряло крылышко дохлой мухи.

— Телефон у вас есть? Мне позвонить надо.

— У пристава телефон. Здесь шнур в людскую. Могу Гришу позвать.

Я представила, как мама отвечает на звонок из больницы. Сперва решит, что мошенники. Попросит меня к телефону. Я бы ей сказала «мам, я жива», а она спросила бы, с какой стати я звоню и говорю ей такое. Номер я знала наизусть, набрать его можно было за несколько секунд. Готова была отдать половину клиник за эти несколько секунд.

— А вы кто?

— Лукерья. — Она встала. — Вы с утра спрашивали. Может, лекаря всё-таки послать?

— С утра?

— Пока он рядом сидел. Тогда вы маму звали.

Я попросила зеркало. Лукерья посмотрела на меня внимательнее, но спорить не стала. На столе было маленькое, в деревянном футляре, с подставкой. Она его раскрыла и принесла.

Первым я увидела глаз. Серый, с жёлтым у зрачка. Мои глаза карие. Я отодвинула зеркало и увидела лицо целиком.

Девчонка могла бы прийти к нам на собеседование на место младшего администратора. Я бы попросила её убрать волосы с лица и посмотреть на меня. Подбородок острый, рот широ-

кий, на переносице россыпь мелких веснушек. У правого виска волосы слиплись, и кожу под ними стянуло. Я поднесла руку и коснулась этого места. Девчонка в зеркале поморщилась одновременно со мной.

Я оттянула верхнюю губу. Когда-то у меня передний зуб чуть заходил на соседний. У неё заходил точно так же, только с другой стороны.

Зеркало соскользнуло с одеяла. Лукерья поймала его у самой ножки кровати.

— Вот этого вы с утра и не видели, — сказала она. — Я про висок сказать хотела. Будет синяк, к вечеру совсем проступит.

Я рассмеялась. Лукерья молча промокнула воду на одеяле и принесла чулки.

— Если ноги на пол опустите, только сразу не вставайте.

На большом пальце левой ноги у меня с подросткового возраста рос ноготь с поперечной полосой. Тяжёлый ящик уронила, когда подрабатывала на развале. Я натянула чулок на совершенно здоровый палец.

— Лукерья. Полностью имя.

— Моё?

— Моё.

— Вера Павловна Арсеньева.

Она сказала это тихо, чтобы за дверью не услышали, как Вера Павловна Арсеньева спрашивает собственное имя.

— Сколько мне лет?

— Девятнадцать. На прошлой неделе исполнилось.

Я встала. За окном должны были оказаться улица, машины, люди, которых можно окликнуть. Пол сразу качнулся под ногами. До окна я дошла со второй попытки, опираясь на Лукерью.

Под окнами был двор, мощённый крупным камнем. Посередине мужчина в коротком тулупе тащил тележку с двумя молочными бидонами. От одного колеса тянулась мокрая полоса. Напротив стоял дом с низкими окнами. За ним виднелись голые деревья и крыши, а дальше из утреннего тумана торчала заводская труба. Обыкновенная кирпичная труба. Я обрадовалась ей, как родственнице.

— А город где?

— За мостом. Видите трубу? То фабрика княгини Вяземской. Город за ней.

Я поискала глазами мост. У ворот горел фонарь, хотя было уже светло. Парень с длинной штангой сунул её в фонарь снизу. Внутри метнулась белая нить и побежала вниз по штанге. Фонарь погас, а нить продолжала двигаться, прямо как живая.

— Что он из фонаря вытащил?

— Остаток заряда. Если оставить, до вечера всё зря прогорит. А так ему копейка идёт.

Парень зажал свет двумя пальцами, как окурок, и опустил в жестянку на поясе. Я провела ладонью по подоконнику. Дерево под облупившейся краской царапало кожу. Во дворе бидоны ударились друг о друга, и человек в тулупе обозвал тележку скотиной.

— Я вчера обедала у себя в клинике, — зачем-то сказала я Лукерье.

— Теперь присядьте.

Она подвела меня к креслу. Я спросила, отчего в доме так тихо. За дверью даже ругались шёпотом. Лукерья присела, пальцы у неё сами нашли бахрому на подоле.

— Батюшку вашего нынче отпевать будут. Гроб в большой зале. Вчера вы там с сумерек сидели, пока всех не попросили разойтись.

— Как его звали?

Она подняла глаза.

— Князь Павел Андреевич Арсеньев.

Я ждала, что имя вызовет в памяти хотя бы голос. Вчера мне хватило бы номера клиники, чтобы вспомнить человека, который там первым открывает дверь. Об Арсеньеве я теперь знала, где стоит его гроб.

— Когда он умер?

— Позавчера под утро. Вы нам сами сказали.

У порога скрипнула половица. Лукерья тут же встала.

— Вы ключ уберите, — сказала она. — Под чашкой.

Из-под чашки торчало ушко ключа. Я накрыла его ладонью. Постучали в косяк.

— Теперь можно?

Мужчина в чёрном сюртуке с вывернутым манжетом оглядел кресло, мою рубашку и положил на стол книгу. Из-под руки у него торчала папка.

— Вера Павловна, по дому идёт сверка. Дайте ключ от ларца. Мне ещё бельевую проверять.

Голос был тот самый, что спорил с Лукерьей. Я запахнула рубашку.

— Вы кто?

— Фёдор Гаврилович. Ключи у меня в ведении. Малый ларец, с жестяной накладкой.

Он показал на комод. Ларец с погнутой жестяной веткой на крышке служил подставкой для подсвечника.

— Там что-то ваше?

— Там числится серебро покойного князя, две ложки. И прочее. По прочему я сделаю помету. Старший приказчик потом решит, что куда.

— Что значит «помета»?

Он раскрыл книгу. По комнате номер семь числились кровать, таз и два подсвечника. Против ларца стояло «содержимое указать при осмотре».

— Вы ларец унесёте? — спросила я.

— Так удобнее. Кругом люди ходят, двери открыты. Потом, когда будет кому выдать, выдадим.

— А сейчас выдать некому?

— Вера Павловна, я и в девятой комнате вещи описал, и в одиннадцатой. Здесь надо так же, чтобы с меня не взыскали за пропажу.

У меня бухгалтер как-то трое суток искала насадку от аппарата за две тысячи. Хотела знать, кто её спрятал в коробку с пряниками. На бумаге получалось, что она сама.

— Так и сделаем, — сказала я. — Открою при вас. Что найдём, то запишете. Ларец до конца сверки пусть постоит здесь.

— Вы прежде никогда с этим забот не имели.

— Вчера у меня вообще по другому поводу заботы были. Лукерья, будь добра, поставь ларец сюда.

Фёдор Гаврилович отодвинул книгу, чтобы видеть мои руки. Я вставила ключ вверх ногами. Оба старательно смотрели на замок, пока я его переворачивала.

Сверху в полотенце лежали две серебряные ложки. В чайной коробочке нашлось шесть рублей и немного меди с двуглавым орлом. Под коробочкой был мешочек с синей вышивкой. В нём звякнули серьги. У одной петелька застёжки болталась на нитке.

Фёдор Гаврилович потянулся к мешочку.

— Маменькины, — сказала Лукерья и тут же прижала ладонь ко рту.

— Старший приказчик разберётся, — ответил он.

— Князь сам их ей отдал. Я мешочек для них сшила, из обрезка после её синего платья. — Лукерья отступила от стола. — Как вам угодно, так и пишите.

Я перевернула ложки. Снизу у каждой было по выбитой букве «А». На серьгах таких букв не было.

— Про ложки запишите и забирайте, — сказала я. — Про серьги напишите, откуда их взяли, что одна сломана и что я попросила оставить до выяснения, чьи они.

— Так и писать?

— Да. На случай, если мне придётся объяснять, почему я отдала вещь, которую считала маминой. Вам такая бумага пригодится тоже.

Он помедлил, вернул мешочек в ларец и забрал ложки.

— С ложками ясно. Серьги и деньги оставлю до особого распоряжения.

В книгу он внёс серьги с описанием застёжки и шесть рублей двенадцать копеек. Под ними написал «оставлено при В. П. Арсеньевой». Я попросила копию. Он выдохнул через нос, переписал на листок и поставил подпись наискось, чтобы хватило места для даты.

Потом он вынул из папки ещё бумагу. Тонкую, сложенную вдвое.

— Раз уж здесь, велено передать. Прочтите до того, как вас позовут.

Наверху стояло «О прекращении содержания за счёт дома». Деньги на личные расходы выдавались первого числа, шесть рублей в месяц. За октябрь получены сполна. Я отыскала имя.

«Вера Павловна Арсеньева, девятнадцати лет, дочь его сиятельства князя Павла Андреевича Арсеньева, признанная по записи отца. Рождена вне брака».

Кроме денег полагались комната, отопление и стол. Дату прекращения содержания оставили пустой.

— Кто это написал?

— Старший приказчик. По распоряжению Романа Павловича.

— Роман Павлович — мой брат?

Фёдор Гаврилович оторвался от ложек. Потом почему-то посмотрел на Лукерью. Она едва заметно кивнула.

— Сын князя, Вера Павловна. Законный сын. Теперь его сиятельство.

На пороге он сказал, что бумагу я могу оставить себе, подписи с меня пока не просили. Когда он ушёл, я заметила, что оторвала ногтем уголок.

Лукерья села на скамейку и разгладила чулок у меня на щиколотке. Глядела на меня и разглаживала одну и ту же складку.

— За маменькины серьги вы правильно сказали, — произнесла она. — Вы их, когда комнату сменили, даже на ночь под подушку клали.

— А мать Веры... Мою мать ты знала?

— Один раз видела. До того, как вас сюда взяли. Вы всё спрашивали, какого цвета у неё были глаза, а я цвет позабыла.

Вот и бастардка. Отцовская фамилия, комната с отоплением и сломанная серьга, которую едва не унесли вместе с ложками.

— Роман давно придумал меня выселить?

— Мне перед вами барин о том не докладывает. — Она помолчала. — Комнату за вами велели убрать к вечеру. Запасное одеяло унесли в гостевые, родня съезжается. Я своё принесла.

В ногах на кровати лежало лоскутное одеяло, с одного края потёртое до нитки. Я думала, оно всегда здесь.

— Его тебе не хватится?

— Днём сын дома, в людской у печки отлежится. К вечеру я заберу.

— Забери сейчас. Мне понадобится платье. Какое угодно, в котором у меня не отвалится голова, если наклониться.

Пока Лукерья рылась в шкафу, я пересыпала монеты в потёртый кошелёк. Сколько тут стоит ночлег? За шесть рублей мне дадут комнату на неделю или только пообедать? С этого и надо было начинать.

На тёмном шерстяном платье крючки шли даже по рукавам. Я попросила показать, как они застёгиваются, потом села к зеркалу и дала Лукерье расчёску. Она придерживала мне

голову выше синяка, почти как мама в детстве, когда ворчала, что мне нечего ложиться спать с мокрыми волосами.

Я не знала, где сейчас мама. Как бы мне ни хотелось заплакать об этом прямо в кресле, через дверь уже один раз пришли за ключом. Второй раз могли прийти за всем остальным.

— Куда здесь можно уйти пешком? — спросила я.

— К мосту. Только у вас башмаки худые. В город в них не дойдёте, особенно по такой воде. Можно бы у кучера спросить про подводу.

— Сколько он возьмёт?

— С вас? Смотря кто спросит. Если вы сами, то сперва побежит узнавать, имеете ли право уезжать. Если я, могу договориться за гривенник. До моста. Дальше на улицу надо выходить, там извозчики.

Я запомнила гривенник. И то, что в этом доме право уезжать обсуждали с кучером.

В зеркало уже можно было смотреть. Лукерья прикрыла волосами шишку и поправила мне ворот. Я спрятала ключ и копию описи в кошелёк.

В дверь дважды постучали. Лукерья открыла. Вошёл молодой лакей в чёрном. Правый рукав у него был подшит грубыми стежками, съехавшими от шва к локтю.

— Его сиятельство князь Роман Павлович требует вас в малую гостиную. Сейчас.

Глаза у него при этом смотрели в пол, и только на слове «сейчас» он поднял их, чтобы проверить, дошло ли.

Я встала. Стул остался на месте, пол на этот раз тоже.

За дверью, у самой стены, стоял дорожный сундук. На ремне болталась картонка «В. П. Арсеньева». В углу знакомым уже почерком приписали «одно место». Так в клинике мы подписывали коробки с бумагами перед отправкой в архив.

— Это что? — спросила я.

Лакей выпрямил спину.

— Его сиятельство велел, чтобы к разговору всё приготовили.

Я взяла со стола бумагу и сложила её так, чтобы пустая строка с датой оказалась сверху.

— Показывайте гостиную.

Глава 3. Княжеские родственнички

Сундук у двери оказался пустым. Пока лакей показывал мне, куда идти, я приподняла крышку и заглянула. Внутри пахло досками, а на дне лежала бумага для упаковки. Кто-то умел обращаться с вещами и рассчитывал управиться со мной за полчаса.

— Гриша? — спросила я на лестнице.

Лакей глянул через плечо.

— Я, барышня.

— Спасибо, что ночью услышал.

Он взялся за перила и стал спускаться медленнее, чем до этого. Я справилась с лестницей сама. На последней ступеньке решила, что благодарность получилась короткой, но если он её понял, для начала хватит.

Внизу пахло еловыми ветками. Двери в большую залу распахнули, между ними виднелись чёрное сукно и спинки стульев, поставленных рядами. У одного из стульев дремала пожилая женщина в тёмном платке, держа на коленях свёрток с хлебом. Гриша повёл меня мимо. Я притормозила, увидев вдоль стены несколько пар обуви. Грязные подмётки лежали вверх, чтобы обивка не пачкалась. Тот, кто снял сапоги, пришёл издалека и собирался остаться надолго.

У малой гостиной Гриша поправил манжет с грубыми стежками, распахнул дверь и объявил:

— Вера Павловна.

В комнате сидели трое. Мужчина у окна сразу повернулся. Молодой, лет двадцати семи. Чёрный жилет, светлые волосы, подбородок, который я уже успела рассмотреть у себя в зеркале. Такой же подбородок я сегодня видела в зеркале. Роман заметил, как я на него смотрю, и нахмурился.

— Ты могла хоть сегодня прийти с первого раза?

— Я пришла. С первого.

У стола кашлянул Фёдор Гаврилович. В кресле рядом с ним сидела сухонькая женщина с высокой причёской. Она отложила шитьё и подвинула свободный стул носком туфли.

— Подойди, Вера. Как голова?

— Временами кружится.

— Сядь, пока можешь выбирать стул. Роман, дай ей воды.

Я почти поблагодарила её. Потом увидела, что она собственноручно придерживает лежащие на столе бумаги, как придерживают скатерть, чтобы никто внезапно её не стянул.

Роман поставил передо мной стакан.

— Анна Дмитриевна нашла тебе место при лечебнице в Нереченском уезде. Помощницей смотрителя. Четыре рубля в месяц и угол при лечебнице. Через полгода, если будут довольны, попросятся взять тебя в ученицы.

— В каком городе?

— Посёлок у станции. Две пересадки. До первой поедешь с кучером.

Должность помощницы за четыре рубля и право жить там, откуда опять можно выставить. Я представила, как похожий на Гришу человек к вечеру принесёт в этот угол такой же сундук.

— Договор с лечебницей можно посмотреть?

— Что тебе смотреть? Тебя туда берут по нашему слову.

— Я хочу знать, что буду делать за четыре рубля.

Анна Дмитриевна вынула письмо из-под бумаг. В лечебнице имелось восемь коек и один штатный лекарь. Помощнице предлагалось вести записи, следить за бельём и заменять ночную сиделку, если та занята. Сколько ночей на деле, хозяин письма предоставил выяснить уже на

месте. Срока работы стояло шесть месяцев. Расторгнуть её по своему желанию можно было лишь с разрешения смотрителя.

— Они много лет искали грамотную девушку, — сказала тётя. — Им подходят твои пробы письма. Я отправила страницы, что ты отцу переписывала.

Вера писала за отца. Я мысленно отметила ещё одну вещь, которую знала о девушке с моим лицом, и вернула письмо.

— Благодарю. Мне нужно время, чтобы решить.

— Решено, — сказал Роман. — Кучер ждёт до вечера. Твои вещи соберут после отпевания. На дорогу тебе выдадут пятьдесят рублей. Понадобится только подтвердить, что к дому и наследству у тебя претензий нет.

Фёдор Гаврилович развернул верхний лист. Он сделал это без спешки, придерживая углы, и сунул под лист промокательную бумагу. Ручка рядом уже была заправлена. Я запомнила этот стол. В таком порядке раскладывают бумаги, когда человек нужен для одной подписи.

— Вы говорите, что пятьдесят — на дорогу. Она правда столько стоит?

— Девять рублей до места вместе с багажом, — сказал Фёдор Гаврилович. — Если без задержки в Верхних Прудах.

Роман повернул голову. Приказчик сразу занялся крышкой чернильницы.

— То есть пятьдесят за отказ, — сказала я.

— Пятьдесят, чтобы ты могла устроиться, ни у кого ничего не прося. Ты знаешь, сколько у нас людей на содержании? Знаешь, чем отец расплачивался за новый котёл для мельницы? Распоряжался людьми, труд которых оплачивал в долг. Сейчас эти люди стоят во дворе и приходят проститься. А я с утра подписал ведомость и не знаю, чем закрою следующую.

О мельнице он говорил так, как я сама говорила с арендодателем, когда у нас задерживали платёж. Выучил, кому и сколько должен. И при этом был готов отдать мне пятьдесят рублей. Я ещё раз посмотрела, что он за них покупает.

Я прочитала отказ. По форме я подтверждала окончательный расчёт за содержание, отказывалась от всех денежных требований за всё время и обещала не оспаривать распоряжений отца по личному и родовому имуществу. Самих распоряжений в комнате не было.

— Дайте посмотреть бумаги об имуществе, от которого я отказываюсь.

Фёдор Гаврилович поправил чернильницу так, чтобы её край шёл точно по краю стола.

— У тебя там ничего нет, — сказал Роман.

— Тогда это займёт пять минут.

— Отцовы бумаги опечатают при понятых. До описи ты их не увидишь.

— Так и запишем. При описи вы мне покажете то, что относится ко мне, и я смогу ответить.

Роман подался вперёд.

— Вера. Я попрошу тебя сейчас вспомнить, где ты живёшь. Отец тебя принял, кормил, одевал. Ты ни одного заработанного рубля в дом не принесла. И вот он умер. Ты тут сидишь с холодными руками и разговор начинаешь с его денег.

Я положила ладони на стол. Они и в самом деле были холодные. Внутри живота дрожало от голода. Завтракать меня сегодня никто не позвал, а я вела переговоры с человеком, который никак не мог для себя решить, кому отвечать: взрослой женщине напротив или девчонке, которая вчера, видимо, отвела бы глаза.

— Разговор про деньги начали вы. Я отвечаю на предложение. Где запись о моих вещах?

— При чём тут теперь вещи?

Я достала копию, которую выпросила у Фёдора Гавриловича. Он узнал собственную подпись, потянулся к листу, потом убрал руку.

— Фёдор Гаврилович, у вас всё сегодняшнее так ведётся? Что занесли в книгу, то можно подтвердить?

— Смотря кому. За постельное бельё, к примеру, только ключница расписывается, — сказал он.

— Так подтвердите, пожалуйста, что серьги маменьки остались у меня. Я хочу знать, что возьму с собой, если съеду.

Анна Дмитриевна вытянула руку. Я подала копию ей. Она прочла, вернула и попросила приказчика подать книгу выдач князя. Тот уже положил её на нижнюю полку этажерки. Я видела, куда он смотрел, пока мы говорили о наследстве.

— Если личные подарки в книге, их удобно отдать сегодня, — сказала тётя. — Мы закончим быстрее, Роман. У двери начинают собираться люди.

Роман отвернулся к окну. Во дворе кто-то переставил тележку. Из малой гостиной было видно, как отец семейства, судя по седой макушке, пригладил пятернёй волосы мальчику и отправил его к двери большой залы. Мальчик шёл с тремя ветками ельника, пальцы у него кололись. Он то и дело перехватывал ветки другой рукой.

Фёдор Гаврилович перелистал книгу. На странице с моим именем оказались две вещи: золотая цепочка с шариком на застёжке и браслет с синей эмалью. Обе вписали как подарки на девятнадцатилетие. Дата была неделей раньше. Под ней стояла подпись Павла Арсеньева, косая, с жирным хвостом у последней буквы.

— Серьги её матери, — сказала Анна Дмитриевна. — Князь вернул их Вере ещё весной. Пусть остаются. Если Лукерья свидетель, запишите и это.

Я подняла взгляд. Тётя произнесла «её матери» без малейшего смущения. За всё утро я ещё ни у кого не добилась имени.

— Вы знали её?

— Твою мать звали Клавдией Ильиничной Берестовой. Помню, ты не любила, когда ей давали подарки через прислугу. Сама относила, пока она могла их принимать. Этого достаточно на сегодня.

На кого эта последняя фраза рассчитана, я поняла по Роману. Он поправил рукав, хотя манжет у него сидел прекрасно.

Фёдор Гаврилович сделал выписку в двух экземплярах. После строки «получила» оставил место для подписи. Браслет и цепочку должны были дать мне при нём, он уже послал Гришу к шкафу в своей комнате.

— Вот здесь распишусь, когда получу, — сказала я. — По остальному у меня ответ будет, когда увижу документы.

Роман сел. До этого он всё время то стоял, то ходил от окна к столу. Теперь сел ниже меня, и голос у него стал тише.

— Ты ведь не с лестницы вчера упала?

Анна Дмитриевна перестала наматывать нитку на палец.

— Меня там нашли. Самого падения не помню.

— После смерти отца ты со мной ни слова не сказала. До этого могла два дня не ответить, если не нравилось, с кем я пришёл. Сегодня мне тут диктуешь, что делать с книгой. Я спрашиваю, что случилось.

Если бы он произнёс это раньше, на первой минуте, пришлось бы изворачиваться. Сейчас я могла позволить себе честный ответ наполовину.

— Я увидела, как быстро закрывают комнату человека, у которого умер отец.

Он выпрямился и несколько секунд смотрел мне в лицо. Я ждала нового приказа, а он спросил:

— Сколько времени тебе надо?

— Два дня. Сегодня я хочу прочитать бумаги спокойно и провожать отца. Завтра выясню, где могу жить.

— До завтра, до вечера, — сказал он. — Потом я передаю комнату тёткиным девочкам. Ты уедешь без этих пятидесяти, если откажешься подписать.

— Уеду. Про пятьдесят услышала.

Анна Дмитриевна засунула шитьё в сумку и встала. Роман не сдвинулся. Уже у двери тётя сказала:

— Для работы в лечебнице ей понадобится свежая проба дара. Направление старое. Вы всегда можете предложить место потом, когда будет кому выбирать.

Роман глянул на неё, и мне стало ясно, что тётя одновременно сделала мне одолжение и приготовила ему следующий довод. Он живо отыскал маленькую карточку, лежавшую отдельно.

— Испытатель из управы будет завтра в доме. Почистит отцовы печати перед описью. Пусть проверит тебя. С прежней ведомостью узнаешь о своих возможностях всё то же, но хотя бы будет свежая бумага.

— Я приду. Куда?

— В зимнюю комнату. После завтрака. Там пол свободен и можно поставить раму.

Про раму он сказал с заметным удовольствием. Я сочла полезным запомнить именно это.

Гриша вернулся с двумя коробками. Мы открыли их при Фёдоре Гавриловиче. Цепочка была тонкая, я её разглядела только на ладони. Браслет был узкий, с цепочкой на застёжке. Вера, должно быть, уже надевала его: на внутренней стороне сохранилась тёмная нитка от рукава. Я расписалась в получении двух предметов. Рядом собственноручно написала их названия, прочла подпись и забрала второй экземпляр. Фамилия получилась моя новая, почерк старый. На этом я едва не прослезилась. Помогла привычка сразу складывать бумагу вдвое, чтобы не растерять листы.

В большой зале я постояла у гроба. Павел Андреевич лежал с руками на груди. Его нос и складка у рта походили на Романовы, на мои меньше. На большом пальце виднелось широкое гладкое пятно от перстня. Перстень уже сняли для описи. Я смотрела на пустое место на пальце и думала, что у моего отца в Москве, если с ним что случится, к рукам прикоснутся родные. Мне хотелось позвонить ему тоже. Спросить о какой-нибудь глупости, за которую он подержит меня на линии минут двадцать и не заметит, почему я замолчала.

Священник попросил подвинуться к стене. Я подалась и едва не наступила на еловые ветки того мальчика. Он поднял их с пола, прижал к груди и поднял на меня глаза.

— Мы от бондарей, — объяснил он. — Папа говорит, князь его в хвори со склада домой отпустил и денег не вычел.

— Это хорошо, — сказала я.

Мальчик кивнул. На его рукаве налипла смола. Лукерья, стоявшая за мной, вытащила у него одну ветку, осторожно отвела хвою и сказала, где оставить всё вместе. Мальчик прошёл вперёд. Больше я его в тот день не видела.

После отпевания мы с Лукерьей вернулись по той же лестнице. Сундук от двери убрали. На его месте стоял поднос с хлебом, миской похлёбки и яблоком, разрезанным на четыре части.

— Роман распорядился? — спросила я.

— Тётка ваша. Сказала, вам станет проще молчать, если поедите.

— Передай спасибо. Похлёбка действительно помогает молчать.

Лукерья внесла поднос. Пока я ела, она собирала оставшиеся мои вещи. Разложила на покрывале две пары чулок, три рубахи, платье на смену и старые башмаки с полусбитым каблуком. По меркам Веры имущества оказалось столько, сколько я раньше собирала на сутки, если перелёт был с пересадкой. Две подписанные бумаги лежали отдельно. В них оказалось больше толку, чем в башмаках.

— Как у меня в прошлый раз вышло с пробой? — спросила я.

Лукерья сложила рубаху, разгладила пальцем ворот.

— Князь велел мерщику прибор повернуть. Думал, тот задом наперёд его поставил.

— А мерщик повернул?

— Повернул. Для него князь был очень убедительный.

Я дожевала хлеб и взвесила на ладони отцовскую цепочку. В коробке под ней лежала вата. Остриё застёжки я заметила лишь тогда, когда уколола палец.

— Завтра к раме пойдёшь со мной? — спросила я.

Лукерья сложила последнюю рубаху и накрыла ею старые башмаки.

— Стану за дверью. В прошлый раз князь меня отослал, а после вас с пола поднимали.

Глава 4. Бесполезный дар

Рама в зимней комнате выглядела так, будто на ней собирались сушить шаль. Два столба из светлого дерева, поперечина на уровне груди, между стойками семь проволочек с медными шариками. Под рамой расстелили сукно и поставили табурет. От печи до табурета тянулся шнур. Я мысленно отдала должное тому, кто первым догадался привязать опасную вещь подальше от места, где её можно задеть ногой.

— Шнур к раме отношения не имеет, — сказал человек у печи. Заметил, куда я смотрю. — Под ногами у вас колокольчик. Если станет дурно, наступите. Прислуга за дверью.

Он представился Матвеем Осиповичем Зориным, испытателем при городской лечебной управе. На вид лет пятьдесят, в потёртом сюртуке, с коротко остриженными ногтями и синим пятном на щеке. Я сначала подумала, что испачкался в чернилах, потом увидела, что пятно уходит под кожу мелкими крапинками.

— Вера Арсеньева, — сказала я. — Что мне делать?

— Сейчас дождёмся остальных.

Остальными оказались Анна Дмитриевна и белобрысый мальчик, на несколько лет меня моложе. Он вошёл, жуя сухарь, и попытался доесть его под прикрытием тёткиной спины. Анна Дмитриевна протянула руку, дождалась, пока сухарь будет передан ей, и спрятала его в карман.

— Мой Костя заодно, если позволите, Матвей Осипович. Осенью собирается на подготовительный курс. Хочу знать, имеет ли смысл просить место.

— Можно. За два испытания в ведомость поставлю две записи.

Тётка достала кошелёк. Он отодвинул её деньги к краю стола и записал сумму в книжечку. Меня тоже внесли. За вызов за город Роман уже заплатил, проба моя шла отдельной строкой в половину рубля. Утро только началось, и мне впервые назвали цену услуги, за которую я сама могла бы попросить заплатить. Пятьдесят копеек стоили несколько минут испытателя, подпись и неудобство узнать при полной комнате родни, что у тебя внутри едва теплится.

— Сначала кто? — спросил Зорин.

Костя уже пошёл к табурету. Лучше всех в доме он, наверное, умел не видеть, как взрослые пытаются уступить друг другу позорное первое место. Я встала у стены. Анна Дмитриевна позвала меня сесть рядом, но я хотела видеть его руки.

Зорин высыпал на блюдце три серые пластинки. Выбрал самую светлую, вставил в паз на поперечине и застегнул на запястье Кости кожаную манжету. От манжеты к раме пошла тонкая витая проволока. Мальчик засопел и потянулся было её распутать.

— Пусть так, — сказал Зорин. — Смотри на пластиночку. Что чувствуешь?

— Щекотно.

— Дай щекотке спуститься к ладони.

Костя зажмурился. Нижний шарик в раме подпрыгнул. По проволоке дёрнулась искра. Потом сразу три шарика сдвинулись, поднялись по проволочкам вдоль столба и замерли возле четвёртой насечки снизу. Зорин кивнул и убрал пластинку.

— Руку дай. Вот, так. Теперь разожми.

Из ладони Кости на блюдце упало что-то вроде намокшей золы. До пробы ладонь была чистая. Мальчик с изумлением смотрел на серый след, который остался у основания пальцев.

— Земля, — сказала тётка. По тому, с каким облегчением она выдохнула, я поняла, что другое слово её страшило.

— По этому измерению почвенный отклик. Четыре деления. В шестнадцать лет можно будет пробовать ещё раз, — сказал испытатель. — Если начнёт отнимать мелкие предметы у домашних и потом находить их под дверьми, питьё давайте обычное. Воду из заговорённого колодца не вздумайте. На прошлом наборе половина учителей искала ключи до обеда.

Костя взял у матери сухарь. На табурете, где он сидел, от его сапог остался мокрый след. Зорин вытер его тряпкой и жестом пригласил меня.

Роман пришёл, пока я садилась. Тихо, без лакея. Встал у двери и не поздоровался. Анна Дмитриевна протянула ему книжечку с оплаченной суммой. Он куда-то её сунул, не взглянув, и спросил:

— Старые данные нужны?

— После новой пробы, — ответил Зорин. — Будет что сравнить.

Манжета на моей руке пахла дублёной кожей и терпким потом. Под ремешком остался один светлый волосок. Я смахнула его и спросила, что от меня требуется помимо щекотки.

— Представьте, что у вас в руке зажата монета и вы хотите, чтобы ладонь о ней вспомнила, — сказал Зорин. — Даже если нет монеты. Иногда проще так.

Я представила монету. Рука ничего не вспомнила. Тогда Зорин отстегнул проволоку, взял с печи блюдце, подогрел одну из пластин ладонью и вернул в раму. Это произошло быстро. В двух шагах от меня точно так же кто-то мог бы поднести карточку к считывателю и дождаться сигнала. Табурет скрипнул, когда я придвинулась.

— Положите кисть вот сюда. Глазами можно глядеть на что угодно.

Под пальцами было тёплое дерево, кое-где бугры от старого лака. Я попробовала нажать на поперечину. Толку никакого. От дурацкого усилия заболело плечо. Мне начинало казаться, что у местных людей есть какой-то мышечный приём, которого меня с детства не научили, и пятьдесят копеек сейчас потратятся на урок, как неправильно свистеть.

Я выдохнула. В запястье оказалась мелкая, почти неразличимая пульсация. Обычно я замечала её лишь тогда, когда браслет туго надет. Здесь пульсация как будто шла дальше, до самых подушечек. Я не двинула рукой. Дала себе досчитать до трёх и посмотрела на раму.

Нижний шарик поднялся на одну засечку. Остальные не шелохнулись.

— Ещё можете? — спросил Зорин.

Сделала то же самое чуть сильнее. Ничего. Я сжала пальцы, подумала о том, как буду объяснять это человеку у двери, и тотчас почувствовала противный холод от запястья. На языке выступила слюна, как от кислого яблока. Шарик поднялся ещё на деление. Проволока, державшая его, тихо запела.

— Всё, — сказал Зорин и отстегнул крепление.

Я осталась сидеть. В локтях у меня внезапно не хватало сил, как после долгой дороги с двумя тяжёлыми пакетами. Когда потянулась к чашке, Зорин подвинул её ко мне ближе, выдержав паузу ровно до того, чтобы я сама поняла, нужна помощь или нет.

— Два, — сказал Роман.

Он подошёл и посмотрел на раму сверху, будто под верхней перекладиной могло прятаться ещё какое-нибудь деление.

Костя перестал жевать.

— Это вдвое меньше, чем у меня?

— Это значит, что у человека с такой пробой в общем мериле начальная ступень, — ответил Зорин. — Тебе твои четыре ещё надо научиться держать. И волосы пригладь, мать смотрит.

Костя пригладил волосы над ухом. Роман взял со стола прошлую ведомость. У неё бумага на сгибе уже распушилась. В одной колонке стояла единица, в другой — запись о повторной пробе с двумя точками. Внизу знакомая подпись отца и длинное замечание об условиях в комнате. Тепло, сквозняк, раму повернули. На самом деле за смены положения рамы отец расписался трижды. Меня привлекло не это, а слово «восстановительный» в графе «вид дара».

— Это про что? — спросила я.

— У Кости выход уходит в землю, у вас возвращается в живое. Видите? — Зорин взял мою пластинку и подставил к окну. На ней была тонкая полоска светлее самой пластины. —

Достаточно для классификации. При двух рисках результат мал. В регистрационном списке целителей вы можете числиться только ученицей. Под надзором лекаря, с его согласием. По самому испытанию о применении дара я ничего больше не скажу.

— Сама себе углы дома хоть залечит, — сказал Роман.

— Углы дома у вас из дерева, — отозвался Зорин. — Направьте Костю.

Тётя хмыкнула; сухарь в её кармане хрустнул, когда она туда сунула платок. Роман отдал ведомость. Я попросила экземпляр новой. Испытатель подтвердил, что оставит один мне, один заберёт в город.

— Чем два от четырёх отличаются, кроме цифры? — спросила я. — Если расходовать не сразу всё.

— При равных навыках человеку с четырьмя легче держать отклик дольше. Ещё его магия уверенно проникает дальше от ладони. В многослойных повреждениях это пригодится. У вас отклик гаснет почти у поверхности. Лишь бы не пытались добиться результата нажимом. Из пустого кошелька после этого монеты не высыплются.

— Мне с этой ведомостью дадут учиться где-нибудь рядом?

— Могут. Ищите целителя, готового отвечать за ученицу. Гильдейская школа предпочитает источник выше двух. Если вас уже зовут в лечебницу в уезде, я бы не торопился отказываться. Там могут принять и с таким.

Он говорил добросовестно. Дал ответ по своим правилам и не имел причины волноваться, что за уездной работой у меня лежит отказ от чужих денег, которого он не видел.

— Скажите, на пластине видна точность?

Зорин чуть повернул голову.

— Что именно вы имеете в виду?

Я вспомнила длинную белую нить в руке у человека с фонарём. Там, во дворе, ему требовалось донести остаток до жестянки. Он зажал огонь двумя пальцами, и все вокруг продолжали разгружать бидоны. Под рукой у Зорина все предметы выглядели простыми, пока не оказывались между рамой и ладонью.

— Можно получить силу на две отметки, но положить её в очень маленькое место? Чтобы нужно было немного.

— Можно, если удастся найти место. В обычной работе его приходится искать. На экзамене для целителей сначала учат чувствовать отклик участка, потом подавать силу. Хорошо бы знать, что у вас под рукой. По этой раме такой проверки не делают.

Роман застегнул верхнюю пуговицу жилета. В дальнем углу его манжета блеснула тонкая золотая пластинка. Он поймал мой взгляд, взялся за её край. Пластинка коротко вспыхнула, и на ладони у него оказался оттиск печати, синий, как отпечаток чернильного штемпеля. На моей ладони уселись следы от швов на ремешке. Роман внимательно посмотрел на раму, словно мог поставить на ней знак принадлежности.

— Ты хотела узнать. Теперь знаешь. Если передумаешь насчёт лечебницы, скажи до обеда.

— Скажу, если передумаю.

Он ушёл. Анна Дмитриевна подтолкнула Костю в сторону коридора. Мальчик шепнул ей, что может вынести раму, чтобы помочь, и получил сухарь целиком с условием есть в детской. Я осталась, пока Зорин заполнял ведомость. За окном начинался мелкий дождь; внизу один и тот же возчик третий раз подъезжал к воротам и спрыгивал, чтобы поправить колёсную чеку. Рама подрагивала от каждого его удара по железу.

Я сняла с ладони налипшую нитку. Присмотрелась. Она забралась под кожу у основания пальца и саднила. Поднесла большой палец другой руки, чтобы подцепить её ногтем. Вместо одной занозы внезапно почувствовала две дорожки. Одна тянулась вдоль нитки и была короткая, жёсткая. Вторая огибала её с края, пульсировала. Точно пятка чувствует, что под стельку

попал камешек, и знает, где он, прежде чем снимешь туфлю. Только сейчас я могла буквально проследить путь под кожей на несколько волосков в сторону.

Я убрала палец. Ощущение исчезло. Поднесла снова. Тонкая жёсткая дорожка была на месте. Я смогла нащупать, где нитка выходила. Под самым её концом будто зацепился крохотный бугорок. Отклик туда шёл сам, пока я не старалась сделать сильнее.

— Матвей Осипович, а у меня под кожей что-то есть? Посмотрите, пожалуйста.

Он наклонился. Достал из жилета складное стекло, повернул мою ладонь к окну.

— Сукно. Вы зацепились у рамы. Вот она наружу идёт. Можно промыть в умывальной.

Он начал убирать стекло. Я попросила его взглянуть ещё раз. Рядом, чуть выше, на подушечке пальца я только что ощутила другую, почти такую же ниточку, хотя на коже ничего не было видно. Зорин вернул стекло, подвёл ладонь ближе к свету.

— Порез тут был, старый уже, — проговорил он. — Зажил с краю, а до самой середины ещё нет. Занозы не вижу. Пальцем сильно нажимали?

Я покачала головой. Он отложил стекло.

— Тут что-то необычное?

— Я подумала, что чувствую, где зажило, а где ещё нет. Раньше не замечала.

Он не ответил сразу. Сел и проверил, поставил ли время у обеих проб. Пальцем провёл по строке с моим именем.

— У некоторых чувствительность после рамы на короткое время обостряется. Самому при такой пробе трудно сказать, что получится в практике. Если найдёте надёжного наставника, расскажите. Когда сознательно пробуете на ране, не пытайтесь отдавать силу просто потому, что почувствовали больное место. Сначала пусть отклик посмотрит тот, кто понимает, что ищет.

Он подал мне ведомость. В строке об отклике написал ровно то, что видел. Два деления, восстановительный, слабый. К моему удивлению, я не захотела спорить. В бумаге не было ни слова про руки, звание или уезд. С такой хотя бы можно прийти к врачу и попросить, чтобы посмотрел сам.

Я помогла Зорину намотать кабель и убрать пластинки. Рама сложилась вдоль поперечины. В разобранном виде он унёс бы её одной рукой. Я подняла пустой табурет и поставила к стене. Ладонь уже почти не реагировала. Пришлось подождать, пока уйдёт напряжение от тяжести, и только тогда опять поднести палец к старому порезу. Разница по обоим краям вернулась, еле заметная. Мне захотелось улыбнуться. По лестнице вверх как раз шёл человек с коробками и вовсе не ожидал, что кто-то в этом доме сейчас обрадуется зажившей царапине.

У двери зимней комнаты меня догнал Костя. От сухаря у него осталась крошка на вороте.

— Ты на меня сердишься?

— За что?

— Я гадал, что выйдет, и подумал, хорошо, если у тебя будет меньше. Мне теперь неловко.

— Когда в следующий раз получишь четыре, спроси, что можно делать с четырьмя. У тебя самим собой забот хватит.

Он пошёл рядом. До лестницы держался чуть позади, а потом шепнул:

— Я могу спросить у учителя про тех, кто берёт учеников. Только матушке не говори, что меня просила.

— Я не просила. Ты сам предложил.

Он обдумал, обрадовался и побежал вниз. Я развернула ведомость и ещё раз прочитала слово «восстановительный». На подоконнике лежала булавка. Я потянулась к ней, но тут Зорин щёлкнул рамой, складывая её. Пять минут назад он просил оставить ладонь в покое. Я смахнула булавку на блюдце рядом с испытательными пластинками, чтобы потом её не нашёл кто-нибудь босиком.

Вместо этого я сложила бумагу в кошелёк к копии описи. У нас в клиниках хорошие врачи всегда понимали, зачем назначали проверку и какие риски она создаёт. Из них никому бы не пришло в голову проверять на себе, как быстро воспаляется прокол. Я пока знала больше про увольнение администраторов, чем про то, что чувствовала под кожей. Даже если ощущения не подводили, мне ещё надо было научиться их понимать.

Я вышла во двор за Лукерьей. Хотела узнать насчёт подводы, пока кучер не уехал, и заодно проверить, насколько худы мои башмаки. Оказалось, лужи они пропускают только с левой стороны. Достигнув первого угла дома, я поправила юбку и заметила того самого возчика, который возился с чекой. С ним был молодой работник в реденькой куртке. Он держал лошадь за повод, пока возчик возился под колесом. Земля под колесом медленно осыпалась в колею. Я успела подумать, что лучше было бы отвести лошадь, и тут из-под телеги раздалось короткое ругательство.

Работник отпустил повод и прижал руку к куртке. На рукаве у него проступило тёмное пятно.

Глава 5. Первый пациент

Лошадь пошла на меня, не торопясь, с опущенной головой. Из-под телеги высунулся возчик. Он увидел, что парень отпустил повод, и заорал на него. Я схватила повод у самой пряжки, лошадь остановилась и подышала мне в рукав. Пахло мокрой шерстью. За моей спиной кто-то коротко свистнул, и она повернула голову на звук. Лукерья взяла её за ремень с другой стороны.

— Пётр, чего рукав зажал? — спросила она.

— Колесо дёрнулось. Чекой резануло.

Парень отнял руку от куртки. Зрелище было неприятное главным образом потому, что пятно на рукаве успело почернеть, а под пальцами всё ещё проступала свежая кровь. Я знала этот цвет. Она текла у меня под воротник в машине. Я чуть не спросила, кто держал меня за плечо после того, как ударило дерево, и удержалась, потому что под навес уже бежали двое и спрашивать надо было о другом.

— Где лекарь?

— В конторе, — сказал возчик. — Если ещё не уехал.

— Гриша! — крикнула Лукерья. — Сбегай к конторе, узнай про лекаря.

Я велела Петру сесть на край крыльца. Он упрямо отказывался снимать куртку, потому что выдали недавно, и он боялся, что порченую одежду заставят оплатить. Пришлось расстегнуть рукав у самого запястья и аккуратно поднять ткань. Лукерья принесла из людской чистое полотно. Пётр прижал его к коже и посмотрел на меня. Губы у него побелели. Ранка, когда удалось её увидеть, была короче ногтя, но парень успел несколько раз поднять руку и снова приложить её к грязной куртке, прежде чем сообразил, что надо делать.

— Голова кружится?

— С утра не завтракал, — ответил он. — А с чего ей теперь?

У меня на языке был десяток фраз, которыми пациенты слышат, что у персонала всё под контролем. Я отлично умела ими пользоваться в коридоре, пока дежурный врач разбирался в кабинете. Сейчас врача в кабинете не было. Был Пётр, моя рука и два деления, о которых я узнала меньше часа назад.

— Гриша побежал за лекарем, — сказала я. — Покажешь мне, где сильнее всего тянет?

Парень ткнул в край полотна. Я положила ладонь по другую сторону. Под пальцами сначала ничего не происходило. Была кожа, тёплая, чуть мокрая от дождя, и он мелко вздрагивал каждый раз, когда со двора стучали по колесу. Я отодвинула руку, попросила его перестать смотреть, что я делаю. Пётр тотчас перестал смотреть на меня и начал следить за возчиком, будто тот собирался уехать без него. Этого оказалось достаточно. Рука перестала вздрагивать.

Когда пульсация под моей ладонью пошла дальше, я почувствовала границу. У своего пореза на пальце я видела условную нитку, которую можно было проследить до самого узелка. Здесь ранка ощущалась в несколько раз шире. Внутри её края по-разному отзывались, как две стороны шва, которые когда-то вместе тянули ткань. На одном краю отклик был почти сплошной, на другом рвался совсем близко к поверхности. Я не знала, что именно чувствую. Пётр сам прижимал чистое полотно к ранке. Я вспомнила, как Зорин велел подождать наставника, и решила, что одного лёгкого касания хватит. Сложнее было признаться себе, как мне хочется узнать, сработает ли.

Шарик в приборе сдвинулся, когда я позволила щекотке дойти до ладони. Я сделала то же самое. У края ранки стало жарче, и Пётр дёрнулся.

— Печёт?

— Чуть.

Я убрала руку. Под тканью оставалась ровная тёплая полоска. Лукерья взяла повязку за сухой край, приподняла. Кровь уже не проступала. В одном месте блеснуло красное, Пётр хотел растопырить пальцы, но я попросила оставить их в покое, пока его не посмотрит человек, который разбирается. Лукерья приложила чистый кусок полотна, а моё запястье вдруг повисло у меня перед глазами. Я только со второй попытки смогла его поднять.

— Хватит, Вера Павловна, — сказала Лукерья.

Мне показалось, что я всё ещё держу Петрову руку. Оказалось, я держусь за его рукав, чтобы не сползти с крыльца. Пришлось переложить пальцы на ступеньку. Дерево было холодным, сырым, зато оно не шевелилось и не спрашивало, сколько будет стоить помощь.

Возчик стоял в двух шагах. Колесо он бросил на подпорке.

— Ну что? — спросил он.

— Пусть пока посидит, — сказала Лукерья. — Ты его куда гнал в таком виде?

— Это он полез вторую чеку выправлять, не я его гнал.

Пётр хотел что-то ответить. Посмотрел на лицо возчика и промолчал. Я заметила, что его испугало слово «полез» сильнее, чем пятно на рукаве. Когда Гриша привёл лекаря, парень сразу заговорил о том, что задержал работу, хотя его об этом никто не спрашивал.

Лекарь приехал к княжескому дому ещё ночью и теперь ждал расчёта, чтобы возвращаться в город. Был высок, легко сутулился и носил такую плотную бороду, что издали можно было решить, будто он обмотал подбородок шарфом. Он взглянул на меня, узнал и перевёл глаза на рану. Пётр сказал, что я приложила ладонь. Лекарь обнажил запястье, оглядел кисть и попросил пошевелить пальцами. Уже после этого накрыл повязкой.

— Ничего глубокого не чувствую. Кистью пока не балуй. Останешься сегодня при доме. Если откроется, меня позовут.

— Там смена, — сказал Пётр.

— Одной рукой чеку ещё никому не удалось поставить лучше, чем двумя. А вот снова резануться очень даже получалось.

Он повернулся ко мне.

— Где боль почувствовали — здесь или в руке?

— В руке сначала щекотно было. Потом везде сил не хватило.

— Значит, свои потратили. Сядьте, пока не расходились. За осмотр парня я с вас денег брать не буду.

— А вы собирались?

— Ночью решили, что вас до обеда и с постели поднимать нельзя. Сегодня два раза пригодился. В третий приходите лучше на приём, я хотя бы чай успею заварить.

Он ткнул меня под локоть, проверил, что я держу собственную руку, и позвал возчика. Тому он предложил отвезти Петра до людской. Возчик просунул парню ладонь под здоровое плечо и поднял. Только когда Пётр встал, из кармана у него вывалился маленький свёрток. Гриша поднял, хотел сразу отдать, понюхал и протянул обратно вытянутой рукой.

— Рыба, — объяснил Пётр. — Матери на обед.

Он прижал свёрток к здоровому боку. Лукерья провела его взглядом до двери. Потом села со мной на нижнюю ступеньку и накрыла мою руку своей, потому что я всё ещё не заметила, как она дрожит.

— За рыбу он сегодня не переживал бы, — сказала она. — За куртку дёрнулся. Его месяц назад в конюшню перевели. Мастер всё говорит, что испытание, и при каждом удобном случае меряет, чего с парня удержать.

— Куртку ему действительно новую дали?

— Весной носил сын покойной кухарки. Теперь для него новая.

В доме у врача были счёт за выезд, у горничной ключ от комнаты, у парня в конюшне чужая куртка. Я ещё не знала, сколько платят Петру, но мастеру уже нашлось из чего вычесть. Я

сидела на крыльце и считала про себя, сколько понадобилось денег, чтобы мне вчера хотелось вызова на телефон, а сегодня я была счастлива, что кто-то принёс кусок чистой ткани.

Фёдор Гаврилович начал спускаться к нам с книгой под мышкой. Перед последней ступенькой он остановился, чтобы обойти лужу. На ногах у него были растоптанные сапоги, начищенные даже по внутреннему шву.

— Князь спрашивает, кого вызвали, — сказал он.

Лукерья ответила. Фёдор Гаврилович записал имя и сделал пустую черту возле суммы. Я спросила, куда пойдёт счёт. Он объяснил, что выезд ночной был к княжеской дочери. Осмотр Петра лекарь зачёл в ночной выезд. Полотно числилось за конюшней. Его могли удержать из жалованья, если Петра признают виноватым.

— А кто виноватым признаёт?

— Конюший у нас грамотный. Он разберётся.

Возчик ещё был в дверях людской. Я попросила его сказать, кто велел Петру полезть к колесу. Он нахмурился и ответил, что велел держать лошадь. Я не видела всей сцены, зато помнила, как Пётр держал повод, пока земля уходила из-под колеса.

— Тогда просто скажите в записи, где стоял парень и что ему поручили. Сумму можно оставить пустой.

Фёдор Гаврилович отвёл меня на ладонь в сторону, чтобы возчик не слышал. Не трогал, только сам шагнул ближе и положил книгу ребром на мокрые перила.

— Если для вашего спокойствия надо в каждую мелочь вписаться, на бумагу с наследством времени не останется.

— То есть вы торопите меня подписывать?

— Я говорю, что у князя сегодня дел много. Вы к его конюшне отношение имеете такое же, как этот парень к вашему ларцу.

Это было замечательное сравнение. Парень как раз вправе рассчитывать, что, пока занят конюшней, кто-нибудь не решит присвоить его рыбу. И у меня при себе была копия, которая помогала объяснить простую мысль человеку, умевшему читать.

— Тогда запишите, что я вызвала лекаря. Если он просит деньги за осмотр, сначала скажите мне. За полотно тоже. Работника я встретила на службе, а не за своим сундуком.

Фёдор Гаврилович почесал ногтем угол книги. Строчку о вызове он всё-таки дополнил. Возчик, проходя мимо, сказал, что человек и действительно лошадь держал, когда колесо утащило железо. Пока он говорил, я смотрела на землю. На грязи сохранилось две коротких бороздки от Петровых сапог. По ним даже без особого дара было видно, что в момент удара ему пришлось отскочить, чтобы колесо не заехало на ногу.

— Вот это запишите, — сказала я.

Фёдор Гаврилович записал. Я не выспрашивала, кто потом прочтёт. Я попросила Петра послушать, как ему прочтут запись. Он остановился в дверях и впервые за утро отнял здоровую руку от рукава.

Лукерья уговорила меня добраться до людской через боковую дверь. Там было жарко и пахло хлебом. Мне достался стул без трёх перекладин, зато спинка держалась. Женщина у печи поставила передо мной тарелку с супом, потом посмотрела на моё платье и перелила суп в тарелку получше. Обе были тёплые. Я выпила бульон, съела ломоть хлеба с жиром. Только тогда смогла держать ложку одной рукой.

— А княжне с нами-то удобно? — спросила женщина.

Я огляделась, кому она это сказала, и нашла под своей ладонью треснувшую ложку. Значит, мне. Мы с ней встретились взглядом, и она поспешно нагнулась к печи, словно вышло лишнее слово. Лукерья ничего не поправила. Только придвинула ко мне соль. Я взяла щепоть. Между низкой комнатой, где за право сесть к столу мне никто не предложил расписку, и малой гостиной разница на сегодня оказалась вполне ясная.

Пётр сидел у печи по другую сторону двери. Когда я уходила, вышел ко мне с расстёгнутым рукавом, заметно согревшийся. Пошарил в кармане и протянул две медные монеты.

— За то, что вы сделали. Тут шесть копеек. Из расчёта могу потом ещё.

— Мать что поест, пока ты из расчёта платишь?

— Рыба дешёвая. А за лечение люди иначе приходят спрашивать.

— Я уже спросила. У меня пока к тебе одно дело. Если кто-нибудь про руку заговорит, скажи точно, в каком состоянии она была, когда её увидел лекарь.

Пётр подумал. Монеты всё ещё держал двумя пальцами, как будто мне достаточно было передумать и протянуть руку.

— Он вам даст бумагу, если попросить?

— Возможно. Сейчас хватит, чтобы ты мог рассказать сам.

Пётр убрал деньги. Я увидела, как легко у него получилось сунуть их в собственный карман, и от этого впервые за утро стало по-настоящему приятно. Потом он посмотрел на дверь и сказал, быстро, пока никто не пришёл:

— Вы когда уедете, Вера Павловна?

— До вечера собираюсь.

— У моста с телегой надо успеть раньше гудка. Они на время перекрывают, товарный воз пропускают. Я скажу Грише, он доедет.

Я кивнула. Так шесть копеек и остались у него. Сведения про мост оказались полезнее, чем я могла предположить, когда увидела кровь на рукаве.

По пути к себе мне пришлось один раз остановиться на ступеньке. Снизу было слышно, как Пётр раздавал советы человеку, который ставил иголку в швейную машинку. Голос у него уже совершенно обычный. Я перенесла вес на перила. Запястья ныли, как после дня с тяжёлой коробкой, а я лечила парня меньше минуты. Если бы он оказался ранен серьёзнее, я бы потратила всё так же быстро, а ему бы от этого вовсе не стало лучше. Это стоило отметить до того, как захочу похвастаться.

Лукерья ждала у моей двери с пустым сундуком. Откуда-то вернули тот, с картонкой. Она оторвала бирку и держала на ладони кусок картонной трухи.

— Всё равно в нём возить будете, — сказала она. — Можете мне за доски расписку дать, если без бумаги теперь никак.

— Напишу, что приняла сундук и твои советы. За советы сколько положено?

Она хотела отшутиться, потом просто сказала:

— Обойдётся.

Мы переложили вещи, завернули коробки с украшениями в рубашку и замотали башмаки в старую газету. Я не стала класть в сундук кошелёк и бумаги. Больше всего в тот день мне хотелось ещё раз проверить, получилась ли бы у меня такая же работа на чужой ладони. Пальцы до сих пор подрагивали. Я застегнула их на замке сундука, пока не прошло желание что-нибудь доказывать.

Снизу Гриша крикнул, что подвода будет через час. Я отставила зеркальце на стол, чтобы Лукерья нашла его, когда вернётся. Потом всё-таки взяла сундук за ручку. Он оказался тяжелее, чем выглядел. Я потащила его к лестнице, задев оба дверных косяка.

Глава 6. Свобода стоит денег

На подводе я ехала на собственном сундуке. В первый же поворот он съехал к краю досок, и мне пришлось прижать ногой его медную ручку. Лукерья догнала нас до ворот и сунула мне в руки вторую пару чулок, которую обнаружила при сворачивании одеяла.

— Если ваше там ещё найдётся, куда слать?

Вопрос был простой. Я оглянулась на дом. Из окон второго этажа виднелись только верхушки новых белых штор. Я не успела прожить там и двух суток, а комнату, оказывается, уже начали переделывать. Тётка не врала про девочек.

— Как найду комнату, передам адрес. А тебя за сегодняшний день спросят?

— Обед остался, сундук списан прежним приказчиком. Больше им про меня знать нечего.

Она дёрнула ремень, проверила крепление. Хотела уйти, но я удержала её за локоть. Чуть не сказала «если нужна работа, приходи». В Москве такое предложение я могла выполнить на следующий день: даже если ставки нет, нашёлся бы кабинет, где нужно было вести порядок. Здесь у меня было шесть рублей с медью и сундук, на котором нельзя было даже сидеть без страховки от опрокидывания.

— Тебе за одеяло спасибо, — сказала я.

— Вам насчёт Петра надо спасибо сказать. Вызов на князя оставили. Лекарь уже получил.

— Хорошо.

Лукерья достала из-за рукава сложенный листок. Фёдор Гаврилович коротко перечислил при ней вещи, которые вынесены из дома, от платья и чулок до личных украшений. Повторил номера записей, чтобы, если когда-нибудь спросят на мосту, не пришлось доказывать, что я украла свою же рубашку. Внизу было распоряжение пропустить телегу до вечернего гудка. Слова «навсегда» и «претензий не имею» отсутствовали. Я поблагодарила заодно и человека, который в последний момент сделал своё дело без угроз и без свидетелей.

Подвода вышла за ворота. Гриша ехал рядом с возчиком. У поворота спрыгнул, выправил мешок с овсом, который накренился, и снова вскочил на доски. Брал движение на ходу легко. Я не попыталась повторить. Мне удалось выйти из княжеского дома, не задолжав за повозку целой ногой, и это следовало ценить.

На мосту нас остановил длинный товарный воз. Он шёл из города. Под брезентом громоздились деревянные ящики, на каждом нарисовано белое птичье крыло. Между ящиками через равные промежутки виднелись гнёзда металлических клиньев. Ветер тянул край брезента, и под ним крылья будто раскрывались одно за другим. Возчик сказал, что из фабрики везут пластины для освещения. Недавно научились продавать заряженные сразу пачкой. Оттого и мост закрывают на пять минут, чтобы чужая лошадь не встала вплотную к грузу. Их от заряда разбирает жажда, как от солёного сена.

Я вспомнила, как у княжеского дома фонарщик снимал остаток заряда, но всё равно спросила, сколько получает человек, который везёт такой воз. Гриша ответил: сама езда стоит немного, возчик зарабатывает за право числиться в списке осветительной конторы. В списке пятеро. Когда кто-то заболеет или женится в соседней губернии, на его место сразу начинают свататься племянники.

— Сам в списке был?

— Нет. Мой дядя был. Женился и уехал.

Ему было смешно, что историю как будто про выдуманного племянника он рассказал про себя. Он спросил, ищу ли я ночлег ближе к мосту. Я сказала, что ищу сразу и ночлег, и место, где дадут денег за цепочку. Возчик повернулся через плечо. Посоветовал лавку с зелёной дверью, возле соляного склада. Там платят меньше, зато за невыкупленное не требуют сверх

залога, и если деньги не найдёшь, по городу за тобой не ходят. Потом оглядел меня ещё раз, чтобы удостовериться, что рекомендация мне по карману.

Я договорилась за дополнительные десять копеек, чтобы сундук довезли в город до самой лавки. Оттуда можно было прислать кого-нибудь со двора и перенести его за те же деньги недалеко. Гриша кивнул, взял половину суммы для возчика и замолчал. После моста у улиц неожиданно появились названия, выкрашенные прямо на углах домов. Яровск начинался с улицы Мыльной. Воздух там по правде пах мылом, горячим и немного горелым. У поворота в воду из желоба стекала пена. Дети вышли из ворот с корзиной пустых бутылок и ставили ей заслон, чтобы вода не хлынула в сапоги.

Дальше стали попадаться вывески. «Гильдейская помощь. Приём после звонка». «Сапоги исправляем быстро». «Приборы и точение стёкол». На углу двери двух лавок были покрыты зелёной краской, поэтому возчик довёз до нужной и постучал сам. Фамилию князя никто не называл. Все знали его лицо. Через целый квартал оказалось, что моё удобно не знать.

Ссудная лавка занимала узкую комнату, половину отгородили стойкой. Рядом с весами встал мужчина в жилете с блестящими пуговицами и руками переплётчика. По одной пуговице шла небольшая вмятина. Она заметно блестела, пока он двигал гирьки. На стене было наклеено объявление о том, что драгоценности принимаются только после проверки принадлежности. Оно ничего не говорило про удовольствие, с которым эту принадлежность будут проверять.

Я выложила цепочку, браслет и выписку. Серьги оставила завёрнутыми в синюю ткань. В лавку вошла с мыслью спросить оценку всего вместе, но показала два предмета. Я уже представляла, как могу выкупить браслет или цепочку, если первое дело соберётся. Серьги мне в таком расчёте мешали. У них была мамина петелька, про которую помнил кто-то, кроме меня, и отдать их первому человеку с весами я не захотела.

— Носили? — спросил хозяин.

— Неделю прошло с выдачи. В книге дата.

— Это оценивают по металлу, барышня. Неделя мало даёт.

Он подвесил цепочку к маленькому крючку, подвигал самую лёгкую гирьку, отметил что-то посередине страницы. Затем посмотрел браслет на просвет. Синяя эмаль была целая, у края крошечная зазубрина. Её и показал мне.

— Не вчера сделана.

— Я бы удивилась, если бы вчера. Сколько за оба под залог?

— Пятьдесят рублей. Месяц.

— А сколько я должна принести, чтобы выкупить?

— Пятьдесят пять.

Я взяла цепочку обратно. В соседнем окне на соседской вывеске зеленела такая же дверь. Возчик ведь ничего не говорил, почему туда обращаться нельзя. Хозяин заметил, куда я смотрю, и перестал двигать гирьки.

— Сколько вы дадите по отдельности?

Он назвал двадцать девять и двадцать один. В кармане лежала бумага о моей собственности. Даже если бы я не знала местных весов, выписку приложили неспроста. Хозяину требовалась хорошая история происхождения, чтобы не лишиться вещей после требования наследников.

— Проверьте пробу на застёжках. И вот выписка, с печатью. Вещи мои, из княжеской описи их уже вывели. Я согласна заложить их по отдельности и оставить заверенную копию. Сколько дадите при таких условиях?

Он взял бумагу целиком, дочитал до подписи. Рука снова легла на цепочку.

— Разве вы княжна?

— Я Вера Арсеньева. Фамилия в выписке. Сверьте с книгой, если сомневаетесь.

Хозяин перечёл выписку. Снял с браслета гирьку и приложил стекло прямо у синей эмали. Там обнаружились два клейма. Моей фамилии одного взгляда ему хватило, с золотом он возился ещё минут пять.

— Без оригинала я до дома не доберусь.

— Оригинал оставите у себя. Копию подшиваю при вас и на ней пишу номер расписки. Шесть недель, до среды. Шестьдесят четыре рубля получите, шестьдесят восемь вернёте. Вещи отдельно. За цепочку выкуп тридцать восемь, за браслет тридцать.

Условия были значительно мягче первоначальных, но позади уже кто-то кашлял. Дедушка с узелком смотрел на стол как на очередь к лекарю. Я попросила сначала расписку, прочла её дважды и сверила сумму. Затем отдала цепочку и браслет и пересчитала свои шестьдесят четыре рубля. Не все были серебром. Половину дали бумажками, настоящими на вид и очень лёгкими на ощупь. Дома я собирала бы выручку за несколько дней, не прикасаясь к купюрам. Теперь пришлось спрятать её под ворот платья и подождать, пока привыкну к тому, где кончается бумага и начинается собственная кожа.

Во дворе Гриша сидел на сундуке и грыз сухарь. Он посмотрел на меня, посмотрел на закрывшуюся позади дверь и ничего не спросил. Спросила я, где живут люди, у которых нет дворника, привратника и родственника с ключами.

— За кузней комнату сдаёт вдова. Второй этаж. Там работница из красильни жила, уехала к мужу. Свету мало, зато печка общая, каждый отдельно за заряд не платит. И госпожа Тихонова по ночам не пускает пьяных.

— Ты там ел?

— Сын её со мной на мосту подрабатывает. Ел.

За кузней оказался кирпичный дом с наружной лестницей. На площадке стояла банка с квитанциями: хозяйка смотрела прямо из окна, кто приносит. Она показала комнату, не приглашая внутрь самого Гришу, сначала назвала цену за неделю. Полтора рубля, ещё рубль залог за ключ и постель. Доска над печью была тёплой, к стене прислонили стол, одну ножку подперли газетой. Подняв его угол, я увидела, что газету можно заменить свёрнутой втрое картонкой, и опустила. По окну текло из щели, но рама держалась и за нею виден был край крыши кузни.

— Если начну приносить работу домой, можно? Бумаги, книги. Изредка посетителя.

— Бумаги ваши. Посетителей по одному и без ночных разговоров. Лекарство варите во дворе, если пахнет. С ребёнком в комнату не сдам, тут печной затвор скрипит и детки пугаются.

— Я одна.

— Здесь через неделю многие говорят, что они вдвоём. У меня мужа три года как похоронили, я в таких вопросах твёрдая.

Она сказала это совершенно без улыбки. Я заплатила два с полтиной, получила расписку на неделю и ключ. Ещё попросила назвать срок, за который предупреждать о выезде. Вдова подумала и взялась за ручку снова. Написала два дня. Гриша принёс сундук с возчиком. Они уже получили по монете у моста. Я придержала дверь, пока выносили подставку, и спросила, как отправить письмо Лукерье. Гриша сказал, что будет у дома к ночи. Ему можно и устно. Кусочек бумаги я всё равно дала: название улицы, дом за кузней, Вера Арсеньева. Попросила передать, что печь тёплая. Когда сундук поставили на пол, дверца распахнулась, и из него вывалился один из дурных башмаков. Тихонова ткнула в него носком. Оказалось, за кузней живёт сапожник, который ставит заплаты за две копейки, если кожу принести свою. У неё нашёлся обрезок, а у меня — первые полезные сведения о новом квартале.

На Мыльной мне продали похлёбку, хлеб, соль и свечу за тридцать две копейки. После ночлега, дороги и ужина в кошельке осталось три рубля десять копеек. С залоговыми — шестьдесят семь десять. Я отложила залоговую расписку отдельно. Потратить деньги можно хоть завтра. Чтобы выкупить своё, их ещё требовалось откуда-то взять.

Я поела у печки. За стеной лупил кузнец. Сильнее всего у изголовья, поэтому кровать я отодвинула, а у плинтуса нашла карандаш. Газету из-под ножки стола достала, заменив её сложенной вчетверо обёрткой от свечи. Стол даже перестал качаться.

На первой странице было короткое объявление о продаже варочных плит и длинное о приёме в лечебную школу. Ученику полагалось представить выписку об уровне источника, отзыв о предшествующем образовании и поручительство. Нижняя планка для открытого набора — три деления. Стоимость первого полугодия восемнадцать рублей. При отказе во втором полугодии ту сумму не возвращали: за первый семестр плата была якобы целиком израсходована на учебные пластины. На другую половину страницы залезла заметка, что в западной части города открыли лечебницу с двумя магами высшей категории. Цены оговаривали при записи, рабочие часы начинались после полудня.

В газете было ещё одно сообщение, в три строки. На Старом рынке гильдия предоставит помощь по случаю обвала известкового сарая. Обращаться с подтверждением найма, подписанным владельцем. Попросили бы ещё бумагу о том, что человек действительно упал, подумала я, и тут же взяла бумагу, чтобы не пропустить часы в городском приёмнике. Старый рынок был на другой стороне, ближе к складам. Гильдейская лечебница на нашей улице, где принимали состоятельных, — в двадцати минутах от кузни. За один день я могла посмотреть обе и спросить цены, если окажусь достаточно терпеливой для чужих вопросов. Спросить ещё, какие права у ученика с двумя делениями. Если настоящего врача удастся найти и убедить, время стажировки можно оплачивать из работы, которую я умею делать.

Печь перестала потрескивать. Я прикинула по газетной схеме, с какой улицы утром начну, и поднесла свечу поближе. С лестницы донёсся тяжёлый шаг. Кто-то остановился у моей двери, рядом зазвенели ключи.

— В подвал иду, — предупредила госпожа Тихонова.

Я повернула свой ключ изнутри. Шаги пошли дальше.

Глава 7. Здесь лечат богатых

В полдевятого утра у лечебницы на Старом рынке уже стояла очередь. В десять дверь открыли, и из неё вышел дворник с ведром. Люди подались к крыльцу. Дворник попросил их расступиться, вылил воду под стену и пошёл за вторым ведром. Очередь сомкнулась. Я могла бы узнать о положении дел в Яровске много полезного только по тому, как люди за это время ни разу не спросили, скоро ли начнут.

Я пришла смотреть устройство приёма, а капли с козырька собрались у меня за шиворот, пока выясняла, кто последний. Женщина в вязаной накидке сказала, что последним был её муж. Муж отошёл на рынок узнать, продастся ли сегодня свиная голова. Очередь за ним согласна его принять, пока держится цена на голову. Если ходит уже полчаса, то выходит, что цена держится крепко. Я встала за женщиной.

Перед ней старик с валенком на привязанном к щиколотке ремне время от времени садился на ступеньку. Тогда врачебное заведение было ему видно по нижнему краю двери. В просвете под дверью ходили ноги. Он первым заметил, что двое остановились. Поднялся, подтянул валенок и убрал локоть. Вышедшая служительница попросила у всех подтверждение найма. Из очереди вышли семеро. Остальные достали бумаги. Служительница посмотрела их через одну и объявила, что на сегодня остались четыре бесплатных места. За пятым и шестым можно подойти завтра. На платный приём все желающие ждут, пока лекарь освободится.

Я спросила, сколько стоит платный. Она назвала сорок копеек за первую консультацию, остальное после осмотра. Женщина в накидке сразу повернулась к двери. Сорок копеек у неё, видимо, всё-таки были. Из-за моего плеча уже шёл её муж. Он нёс голову в газете, мокрой снизу. Та стоила два рубля. Женщина взяла её, заглянула внутрь и сказала, что он купил левую половину. Он подтвердил. Тогда она прикинула, сколько раз можно сварить из левой половины суп, и дала ему подержать бумажку о найме. Сама встала на платный приём.

— У мужа бумага, у вас нет? — спросила я.

— А я дома шью. Когда из цеха вышла, всё можно было унести, кроме записи, что ты там двадцать лет работала. Наш хозяин, где сейчас муж, за меня подписывать не вправе. Скажут, покровительствует чужим.

— Что у вас болит?

— Пальцы. Я с утра чайную кружку обхвачу и сижу, пока хоть мизинец не согнётся. Иначе за иголку браться разоришься: пороть дольше, чем шить.

Она показала ладонь с глубокими отпечатками напёрстка на среднем пальце. Холод делал их ещё белее. Я представила, как сама сижу перед ней и берусь лечить, потому что вчера сумела остановить маленькую ранку. От такого воображаемого лечения женщине нужно было искать другого лекаря, поэтому я спросила только, где рядом скамья и дают ли тут кипяток. Мы нашли лавку с двумя чугунными чайниками и встали возле неё. Оттуда было видно лечебницу. Когда позвали пятого по списку, женщина успела дойти первой, потому что её муж держал место.

В платной книге стоял вызов на дом от двух рублей, простой осмотр сорок копеек, постановка лечебной повязки ещё от двадцати пяти. Слово «от» было отпечатано самым мелким кеглем. У стойки я увидела, как служительница вписала пожилому мужчине два рубля двадцать копеек за расходный состав. У него был рубль семьдесят. Он молча пересчитал, убрал обратно и пошёл. Над его головой висела дощечка с формулировкой «Состав назначает лекарь». После того как он ушёл, я спросила, можно ли узнать сумму до приготовления. Служительница ответила, что можно у лекаря. А у лекаря спрашивать было некогда, потому что платных пациентов пускали в то же время, что тех, кто принёс бумагу. Она тут же позвала следующего. Мужчина убрал деньги, застегнул пальто и долго искал глазами выход из коридора, хотя дверь была прямо перед ним.

К полудню врач успел принять человек восемь. С ним работали две служительницы. Одна записывала, вторая по памяти разводила составы, которые продавали у знакомого гильдии аптекаря. В коридоре люди жались на подоконнике. У стены стояли две новые лавки, ещё в обёртке. Дворник сказал, что их привезли неделю назад, а счётчик всё собирается сверить накладную. Я у себя на Ленинском тоже как-то два дня выясняла, кому расписаться за доставленные стулья. Только коробки у нас хоть догадались распаковать.

С западной лечебницей вышло иначе. Уже у дверей спросили, проходила ли я по чьей-то рекомендации. Ответ «пока смотрю, куда обратиться» там подошёл прекрасно. Гардеробщик принял пальто мальчика, который щедро кинул ему монету, и мою шаль, за которую я денег не дала. Повесил обе на соседние крючки, выдал одинаковые жетоны. Внутри пахло сухим цветом липы. При входе сидела женщина с книгой, поставленной на пюпитр. Она могла писать и смотреть на посетителя в одно время. От этого всем казалось, что их видят, даже если она пока записывает чужую фамилию.

— Вы осмотр хотите или показать результаты?

— Узнать цену осмотра.

— Если у Арьева — три рубля. У Логинова — четыре с половиной. Если нужна проба источника, ещё рубль при обоих. Своего врача можно пригласить. Тогда за комнату пять рублей, плюс услуги ассистента, который здесь работает.

Я спросила, чем приёмы отличаются. Она спокойно объяснила, что у Арьева легче попасть на повторный, а у Логинова больше опыта с промышленными ожогами. Цена объяснялась даже человеку, которому некуда было спешить с такими деньгами. Я бы с удовольствием переманила её. Достаточно было услышать, как она за минуту объяснила две разные услуги, чтобы понять, какой объём работы остальным тут не приходится делать.

У двери я попросила разрешения посмотреть объявление о лицензии. Оно висело в коридоре, в тонкой раме, рядом с написанным от руки расписанием и двумя фамилиями. В лицензии владельцем помещения значился дворянин Чагин, по фамилии которого лечебница называлась Чагинской. Фамилии врача в заголовке не было. Условия практики, напротив, перечисляли лично его и второго врача, со своими видами допуска. Я попросила женщину сказать, должен ли Чагин сам иметь право на лечение.

— Кто лечит, тот должен его иметь, — сказала она. — Кто платит, у того другие заботы. Если вы хотите записаться к владельцу, он на бирже после двух.

На том я откланялась. За углом пошла обратно, потому что оставила шаль. Жетон умудрился уйти в кошелёк, а кошелёк под складку платья. Когда я наконец нашла его, рядом с гардеробом уже собирались двое мужчин из числа тех, кого нет в книге очереди. Один отдал ключ от экипажа. Второй попросил провести его к лекарю через боковую дверь. Женщина за пюпитром ответила, что можно подождать в отдельной комнате, а врач сможет осмотреть после двадцати минут. Он спросил, неужели денег не хватает. Она продиктовала ему цену отдельной комнаты, он кивнул, и больше они о двадцати минутах не говорили.

Я спустилась к мосту и на обратной стороне газеты написала две цены: сорок копеек и три рубля. Слева в городе люди шли домой с сорока копейками в кармане и непонятным счётом впереди. Справа те, у кого имелись четыре рубля, платили за то, чтобы знать врача, время и дверь. Между двумя точками не было трёх часов бедного пути: я прошла меньше чем за двадцать минут. Понятное расписание и счёт перед процедурой стоили дешевле белых занавесок. Рабочим со сменным графиком это наверняка пригодилось бы, как и госпоже, которой не хотелось показывать соседям повреждённый источник. Требовалось сразу научиться продавать обоим разное удобство и не отбирать у одного его время ради другого.

У городского приёмника на первом этаже лечебной управы мне дали почитать тонкий сборник правил. Стойку посетителей обслуживал молодой человек в нарукавниках. За каждую страницу копии брал копейку. Целиком брошюрку продавали за двадцать. Я заплатила и

села на низкую скамью под расписанием, где пока никто не ждал. Из брошюрки выяснилось, что владелец лечебницы может быть частным лицом с правом вести торговлю и арендовать помещение. Квалификацию всего персонала собирает медицинский руководитель. Его допуск должен подходить для заявленных услуг. Он держит у себя книгу приёмов, список учеников и лиц, допущенных к самостоятельной практике. Когда добавляют ученика или услугу, сообщают управе. Гильдия поручается за своих членов, сдаёт пробы мастеров, рекомендует специалистов для проверки. В примечании под этой фразой напротив иностранного лекаря стояло «допуск может быть подтверждён вместо поручительства». Значит, гильдия могла помочь с бумагами быстро, а при аккуратной работе оставался способ выставить бумаги без неё.

— Как заводятся деньги на открытие? — спросила я молодого человека.

— Регистрация на год четыре рубля. Плата за осмотр помещения два. Вы это имели в виду?

— Почти. Нужен ли врач, который числится в гильдии?

— Желательно. В городе сейчас проще так.

Он отодвинул к себе чернильницу, оглянулся на дверь с фамилией начальника.

— У некоторых разрешения ещё старые. Сейчас их не выдают, а действовать не запретили. Если врач с таким хочет работать, может приложить своё свидетельство. Я бы у него спросил, готов ли он потом ездить по приглашению управы. Бывает, спорные подписи перепроверяют.

— А кто есть?

Он не ответил. Открыл ящик, положил мой сборник рядом с выданной книжицей и попросил прочесть на последней странице, откуда берут сводку. Там был указан адрес доски объявлений по практикам. Доска висела в соседнем коридоре. Я пошла смотреть.

Около двадцати объявлений. Большинство лечило «у себя» или искало напарника на воскресенье. В одной бумажке фамилия Артемий Семёнович Корсаков была выложена крупно, часы приёма два дня в неделю, выплаты договариваются. Снизу чужой рукой на бумагу нанесли поперечный штрих. Под штрихом приписка «от выдачи заключений отстранён гильдией». В соседней бумажке, приглашавшей посетить того же Корсакова несколько месяцев назад, приписки уже не было. Кто-то ободрал нижнюю половину. Верх держался на кнопке.

Молодой человек в нарукавниках принёс мне пальто, которое я оставила на краю стойки. Увидел, где я стою, и сообщил, что заключения о поступлении на службу и страховых выплатах Корсаков выдавать не вправе. С лечением вышло сложнее: старый городской допуск остался в силе, а он не захотел принять предложенного гильдией «поручителя для продолжения». Адрес службы переписали у него правильно. Сегодня он не принимал. Мог уйти в аптекарский склад перебрать железо.

Я отыскала на рынке лавку старых книг. За рубль десять купила издание с рисунками суставов и приложением о каналах источника, в переплёте с выцветшей фамилией предыдущего владельца. Лавочник спросил, нужна ли тетрадь. Я сказала, что нужна планировка доступного маленького помещения. Он протянул старое объявление об аренде бывшей булочной, которое, оказывается, неделю лежало у него под книгой. Помещение возле Сапожного съезда, два окна, вода во дворе, печь и два проходных кабинета, аренда двенадцать рублей в месяц. Пять рублей можно оставить задатком, остальное при договоре. Я спросила, когда последний раз там торговали. В мае. Значит, за простаивающую пустоту всё это время кто-то платил отопление или потерял деньги, пока не топил. Мне захотелось туда съездить, но я уже вычислила плату первого месяца и не хотела обещать владельцу что-либо без врача. Тридцать копеек ушло на чай с булкой и мелочь носильщику, который на рынке не бросил мою книгу в мокрый снег только потому, что я вовремя заметила его свободную руку.

К концу дня на руках осталось шестьдесят пять рублей пятьдесят копеек. В книге я пока успела прочитать только первую страницу. В сборнике правил я заложила лист о зарегистриро-

ванных учениках. Пятьдесят рублей из своих могла вложить, если оставлю обеспеченный ночлег. Сумма позволяла открыть пустую комнату с вывеской. Чтобы по другую сторону вывески работал человек, готовый поставить под приёмом своё имя, мне нужно было сходить в Соляной переулок и выслушать то, что он думает о гильдии, деньгах и девушках, которые хотят считать его время.

Под вечер я нашла нужный дом. В двух комнатах первого этажа всё время хлопала дверь. Мужчина на крыльце с трудом ставил ведро на ступеньку. Я предложила подержать ему дверь. Он дал мне ведро, открыл сам, пропустил вперёд и ткнул в ближайший стол.

— Туда. Поставьте и не трясите.

В ведре плавало законченное приспособление из двух стеклянных колец. Когда я поставила его на стол, мужчина взглянул на мои руки, заметил, что обе дрожат от тяжести, и снял ведро с края.

— За консультацией?

— К Артемию Корсакову.

— Я и есть. Вчера людей принимал. Сегодня разбираюсь, почему не получаю денег. Оставьте пустое место между тем и другим.

Он ушёл за перегородку. Я села, вытащила объявление о сдаче комнат и положила его возле ведра.

— А первые два дела у вас случайно не связаны? — спросила я.

Часть II. Первая лечебница

Глава 8. Вредный старик

За перегородкой звякнуло, потом кто-то очень ясно сказал «поганцы». Поганцами оказались две шпонки, которыми крепились стеклянные кольца. Артемий Корсаков вынул одну, осмотрел и бросил под печь. За второй послал меня.

— В синей банке, на четвёртой полке. Узкая, с головкой.

Банка стояла на третьей. Я нашла принадлежавший ей кружок в пыли, подняла туда, откуда её, вероятно, переставили, и отнесла шпонку. Корсаков принял, сам обтёр сухой тряпкой и сверил со старой. Я уже видела, что стеклянные кольца из ведра он достал и поставил в прорезь, между пальцами удерживал мокрую шайбу. Попросить его оценить мой взгляд на устройство лечебницы, пока он так стоит, было всё равно что начать совещание, когда коллега меняет шину.

— Больные ваши за эти кольца платили? — спросила я, когда он выпрямился.

— Платил я. Больные платят, чтобы всё работало.

Он слил воду, выставил ведро в проход и ещё раз спросил, чего я хочу. За дважды заданным вопросом стояла надежда, что во второй раз выйдет короткий ответ. Артемию Семёновичу на вид было под шестьдесят. Седые волосы он отбрасывал назад тыльной стороной кисти, чтобы не трогать их работавшими пальцами. Из старого фартука торчал угол книжки. Пока он тряс ведро, книжка сдвинулась, и я успела прочитать на ней дату позапрошлого месяца.

— Я хочу открыть лечебницу. Нужен медицинский руководитель. Лечить будете вы, остальное возьму на себя.

— Это очень широко. Под «остальным» подразумеваются деньги?

— Ещё аренда, расходники, организация приёма, сотрудники. Деньги в том числе.

— Хорошо. Вы начните с аренды, расходников и сотрудников. Когда кончатся деньги, заходите. Определимся, с какого места вы по-прежнему хотите открывать лечебницу.

Он повесил фартук, выгрузил книжку на стол и присел с той осторожностью, с которой люди садятся на стул с очень старой ножкой. Ножка держалась. Видимо, осторожность относилась к самому Корсакову. У его сапога на верхе стопы протёрлась кожа. Пятно он красил чем-то чёрным, пока не закончилось и это. В карман за оплатой таких сапог наверняка полезет первый же сообразительный посетитель, но он шёл по улице в них, потому что ремонт кольца был важнее.

— Расскажите, сколько вам лечебница обходится сейчас, — попросила я. — Пока вы принимаете два раза в неделю.

— Два рубля за комнату. Остальное, как выйдет.

— А вы за комнату и свет отдельно платите?

— За свет тоже. Вы у меня устроились переписчицей?

— Пытаюсь понять, откуда будут деньги на шпонки.

Он перелистнул книжку на нужное место и встал, чтобы достать очки. Я пересела ближе. На развороте были четыре столбца: день, фамилия, работа и сумма расходов. В одном углу знакомая короткая запись «без платы». Я не увидела ни одной суммы, которую записали как выручку. Если на соседней странице в книге и существовали доходы, они от нас прятались.

— За прошлую неделю пришло три человека, — сказал он, возвращаясь. — Один по старому знакомству. У Таисьи сын обжёгся у зарядного шкафа. Третья приходила проверить, жив ли я. Вот она ещё и в долг предложила. Мне всё нравится.

— У сына после ожога дальше ходить надо?

— Ко мне один раз, потом домой, мать сможет следить. Дальше по состоянию.

— Сколько стоил приём, если она придёт завтра?

— Сегодня уже заплатила.

— Как она знает, что завтра вы будете на месте?

Корсаков сдвинул очки на кончик носа. До этого разговор казался ему тратой жизни, теперь он прикинул, где я случайно нашла настоящую неприятность.

— Говорил, буду после второго часу. Ей идти полчаса.

— Если она завтра придёт в самый раз, когда у вас другой человек?

— Подождёт.

— Сын сможет подождать? Если не может, ждёт другой человек. Откуда он его найдёт полчаса, когда следующий раз вы принимаете через три дня?

Он положил очки на книжку. Я видела, как под седыми бровями его глаза двинулись к двери. Там как раз снова хлопнуло. Женщина на пороге держала рыжего мальчика за свободный локоть. Оба успели вспотеть от быстрой ходьбы. На другом локте у мальчика сидела плотная манжета и из-под неё пахло смолой.

— Артемий Семёнович, отпускали по третьему удару, — сказала женщина. — Он пока ухват задвигал, набил себе новую шишку с краю. Вы же велели ждать до завтра. Я думала, завтра бы и привела, если терпел. Он сейчас при мне терпит. Без меня не ручаюсь.

Мальчик показал ей язык. Она сказала, чтоб язык держал наготове: врачу самому объяснять, зачем тянулся к ухвату. Потом полезла за деньгами. Корсаков кивнул на стул.

— Возле окна. Чтобы рука повыше.

Он взял чистую ткань с полки. Обходя меня, тихо попросил не трогать ведро. Я пододвинула мать ребёнка к стулу, достала с окна подушечку. Не положила сама, спросила, насколько удобно поднять руку. Мальчик сказал, что ему удобнее, когда все отойдут. Корсаков согласился. Я пересадила мать на два шага дальше и спросила её имя, пока она смотрела на сына. Оказалось, зовут Таисья. Она работала штемпелёвщицей у владельца печатни, сегодня попросила сменщика постоять за неё, а завтра придётся отдать сменщику час за каждый чужой. Ей хотелось знать, как быстро можно вернуться, чтобы прийти за сыном уже после обеда.

При этом весь её разговор был на уровне шёпота. Корсаков сменил взгляд, велел мальчику повернуть голову к окну и нажал на край манжеты. Свет в стекле над ним был голубоватый, очень слабый. С ладони врача сорвалось крошечное пятно света и прошло вдоль обода. Мальчик выдохнул. Корсаков ещё подержал руку рядом, убрал. Синяя точка на стекле погасла после этого не сразу.

Он вслух перечислил, что видит. Свежая шишка ушла в сторону от места ожога, с самим ожогом за эти часы ничего опасного не случилось. Проверка завтра по-прежнему понадобится, но можно позже. Запрещать ему всякое движение бессмысленно: на третий день локоть и так должен осторожно двигаться, а вот тыкать им прямо в железо никто не советовал. Мальчик сказал, что и сейчас он тыкал туда не прямо. Корсаков предложил завтра принести ухват для разбора чёткой разницы. Мать первая засмеялась.

Она разложила на столе четыре пятака, один рядом с другим.

— За сегодня от меня.

— Сегодня по вчерашнему приёму, — сказал Корсаков, пододвинув деньги обратно.

— А завтра будете?

Он открыл книжку. Книжка всё ещё лежала возле очков. Я достала с края стола его карандаш и разлиновала отдельный лист. Спросила, когда мальчик сможет прийти, чтобы не бросать работу посреди смены. Мать назвала время. Корсаков проверил, есть ли у него тогда выезд. Выезда не было. Я записала, что в четыре с четвертью, повтор, оплачен. Строчку переписала на обрывок и отдала ей. Она прочла время довольная, куда более довольная, чем двадцатью копейками, которые ей вернули.

Когда они ушли, Корсаков добрался до своего стула. Пододвинул к себе карандаш. К острому концу прилип кусочек бумаги, который я спешно обломила ногтем.

— Таисья завтра опять опоздает, — сказал он. — Она мать. Найдёт ещё какую-нибудь работу доехать.

— Опоздает, заранее будем знать, кому записано это время.

— Какого-нибудь нового мальчика с ожогом в половине пятого приведут.

— Тогда вы решите, кого осматривать срочно. Таисье объяснят, когда позовут.

Он переспросил, действительно ли мы сможем найти Таисью. Я показала, где на листе написала «печатня». Корсаков спрятал лист в свою книжку.

— Что вы до этого управляли?

Хотелось сказать, что двенадцатью клиниками. За таким ответом пришлось бы рассказать про клиники, Москву и дерево, которое положило с этой профессией конец. Я сказала правду, у которой имелся способ проверки.

— Я умею выстроить приём, чтобы по десять человек не сидели в коридоре, ожидая, что врач откроет дверь. Умею считать, на чём зарабатывают, где теряют, и кто на самом деле держит работу. Готова показать на вашем помещении. А потом ещё на помещении побольше.

— Вы учились на торговую, Вера Павловна?

— Училась за стойкой. Рано начала.

— По выправке вижу, княжеская.

— По выправке вы только что видели, как я держала ведро.

Он посмотрел на меня повнимательнее. За стеной от соседнего кабинета долетел голос владельца дома. Он кому-то говорил, что сегодня в холодной комнате на заднем дворе бесплатно не согреться. Плату за тепло спросит с каждой посетительницы отдельно. Корсаков согнул пальцы под столом и расправил. Я давно замечала этот жест у усталых врачей перед разговором, которого они не просили.

— Здесь я даже с лёгкими принимать не могу, — сказал он. — Здесь между кабинетами сквозняк, сосед неделями лечит его обещаниями. Приходят ко мне по старой памяти. У гильдии старый счёт. В городе знают, у кого можно взять комнату и потом спокойно получать принадлежности. Такая девушка с княжеской выправкой подумает, что главное сделать вывеску и договорить людей. А потом выяснится, что к двери подъезжает служитель и предупреждает больных о неверных заключениях. Другим людям, которые надо мной работали, ещё там же получать жалованье.

— Почему вас от заключений отстранили?

Он убрал карандаш с книги, возвращая её в разряд своих вещей.

— Я отказался подписывать акт о погибшем мастере. В акте уже проставили, что он на работу вышел с нездоровым источником. Тогда семье платили бы половину. Хозяин сберёг бы деньги. От меня требовалась одна подпись. Моя подпись там не появилась. Отстранили после разбора за спор между приглашёнными специалистами и несвоевременное извещение хозяина. Они выговор в моём пакете сделали таким чистым, что ни одна подпись не поплыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.